

ХАДЖИ-КАВКАЗ И ЖИЛИН С КОСТЫЛИНЫМ

Ранней осенью 1942 года, в ту же, примерно, пору, когда под Москвой пишутся эти строки, из аула Уляп, расположенного на северо-западе Адыгеи, неподалёку от Краснодара, выехала линейка, запряженная лучшими, какие в округе нашлись, лошадьми, и отправилась в дальнюю дорогу, в Ставрополь, который тогда назывался Ворошиловском. На обратном пути на линейке, не горбясь, восседал почётный гость: княжеский потомок Султан Келеч Гирей, на черкеске которого буднично висели погоны генерал-майора царской армии. Гость из прошлого: полузабытый уроженец Уляпа, один из блестящих командиров сформированной в начале Великой войны 1914-го года из горских добровольцев, «охотников», Кавказской туземной конной дивизии, больше известной под названием Дикой... Один из самых уважаемых, из самых старших, оставшихся к тому времени за рубежом эмигрантов, он возглавлял объединявший земляков Кавказский комитет, и должен был теперь помогать немцам налаживать контакт с местными жителями.

Частенько размышляю: много ли каменных сердец отказалось бы очутиться на родине таким образом? Тем более, что то было сердце старого воина, которому твёрдо пообещали вернуть упущенную четверть века назад победу: вернуть империю.

После обычной дорожной еды, традиционного гомыле, в Уляпе генерала ждал щедрый стол, и, когда все соответствующие высокотожественному моменту тосты и благопожелания были сказаны, тамада снова дал слово старейшему аульчанину. На этот раз смысл его речи был таков: все мы тут долго ждали этого часа, Келеч, и наши кинжалы заждались его тоже. Прикажи, и мы этой же ночью навсегда покончим с русскими.

Попробуйте представить: о цели приглашения в родной аул ему сказали заранее? И думал он о ней на всём протяжении неблизкого по тем временам пути?.. Мучительно размышлял, когда об этом заговорили уже за столом? Или это всегда оставалось для него делом решённым?

Так или иначе бесстрашный генерал произнёс примерно следующее: кинжалы спрячьте. Я пришёл с немцами – я с ними уйду. Вы в Адыгее с русскими жили – вы с ними останетесь жить.

Написанное чуть выше «частенько размышляю» - не для красного словца. Родился бы черкесом, думал иногда о себе, - просто обязан был написать героический роман, основанный и на документах, и на отголосках легенд, окружающих трагическое имя генерала Султан Келеч Гирея.

В начале «катастройки» мне дали прочитать краткие протоколы допросов пяти служивших у немцев казачьих генералов и этого единственного горца, в далёком сорок шестом вместе ожидавших приговора в Бутырской тюрьме, и даже в том чрезвычайно сжатом, тщательно причёсанном сотрудниками Смерша, варианте в ответах Келеч Гирея ощущалось неколебимое воинское

достоинство. А сколько захватывающих воображение историй рассказывали о нём неравнодушные люди на Кавказе!.. О том, кроме прочего, как на специально устроенном открытом процессе, за ходом которого из потайного оконца якобы следил сам Сталин, генерал говорил, что главной его целью было спасти в конце войны на чужбине беззащитных земляков - пленных кавказцев, которых не смогла уберечь их родина, и в действиях своих он не видит измены по отношению к России, потому что в верности присягал не кому либо – ещё Государю-императору...

- Показательный процесс, понимаешь? – горячо втолковывали мне эти добровольные хранители устной нашей общей истории. – В зале собрали несколько десятков самых главных советских военачальников, ни у кого на лице не должно быть и намёка на сочувствие, а они, когда Келеч говорил, утирали невольную слёзу. На виду у «дядюшки Джо»...

Бесстрашного горца «дядюшка Джо» не пощадил: в сорок седьмом он был повешен вместе с пятью остальными генералами. Но как знать: не повлияло ли несгибаемое его личное мужество на общую судьбу адыгов? В отличие от соседних народов, выселенных в Казахстан да Киргизию, они остались на своей тёплой зелёной родине.

А теперь совсем другая история: уже из наших подлых времён.

Старый друг, известный кабардинский писатель на днях с откровенной горечью и даже как бы с невольной виной рассказал, что его разыскали два молодых земляка, два офицера, специально приехавшие из русского «города Н.», где служат в элитной дивизии: посоветуйте, как поступить. Были гонцы из Нальчика, сообщили об этой истории с возможным признанием за рубежом геноцида адыгов в девятнадцатом веке и предложили подумать: уйдёте, если что, в горы, или больше пользы принесёте нам тут, оставшись на службе в армии?

Мой друг напомнил им о присяге, но они только деликатно поулыбались: кому и кто нынче всерьёз присягает?

Не удержался, чтобы его не поддеть:

- И это потомки жены Ивана Грозного, черкесской княжны Марии Темрюковны?

Друг мой нехотя рассмеялся:

- Об этом не догадался: надо было вручить им «Царскую любовь» Любы Балаговой!

К драматическому, наполненному высоким духом и бесконечным страданием «роману в стихах» талантливой и пылкой черкешенки Балаговой ещё вернёмся.

А пока задумаемся вот над чем: несмотря на все якобы случайные хитросплетения нашей российской жизни должен же, в конце концов, кто-то, наделённый верховной властью, ответить за эти мучительные сомнения двух молодых горцев, совсем недавно принявших рыцарское решение - связать свою судьбу с некогда победоносной русской армией?!

Так вышло, что за десяток лет жизни на своей «ударной комсомольской» под Новокузнецком – с 1959-го года по 1971-ый - я, кроме прочего, крепко подружился с несколькими немцами из бывших ссыльных... думаю вот теперь: может, не зря ношу свою прямо-таки не очень русскую фамилию? Или дело в некоем, ещё детском комплексе: перед войной мы жили в Тбилисской на Кубани, отец был районным прокурором, часто ездили в гости к немцам в «зверосовхоз», в небольшую станицу Вановку, и в сорок первом, когда он дома сказал, что завтра ему придётся выселять немцев в Сибирь, мама весь день пекла в дорогу «нашим немцам» пирожки и весь день молча плакала.

В 1990-ом, давно московский житель, я приехал в гостиницу «Россия» повидаться с горняками из Кузбасса, начавшими свою «бархатную» от угольной пыли революцию, и когда прежде остальных встретил немца Александра Бира с новокузнецкой «Димитровой», оказавшегося к тому же моим читателем, так и подумал: нормальный ход!.. Мы сошлись тут же, у меня среди бумаг и нынче хранится маленький конверт, на котором рукою Саши написано: «Моя скромная лепта на твой труд праведный. Живи, люби, страдай за Россию и будешь всегда и во всём прав!!!» В конверте лежала сотенная. Братская, выходит, помощь русскому писателю в те нелёгкие времена. От депутата Верховного Совета, личного друга Ельцина: и нынче нет-нет, да покажут по телевидению кадр, где Саша якобы на танк его подсаживает – на самом деле на металлический контейнер для мусора, из десятка которых в 91-ом у Белого дома составили первые «баррикады».

Саша был из «великолепной семёрки», так сами себя они тогда гордо именовали, шахтёриков, взорвавших Россию, и в Верховном Совете состоял секретарём самого ответственного тогда комитета по Законодательству. В наследие от старой власти ему достались кое-какие любопытные распечатки, часть которых он передал тогда мне: «Изучи, Леонтьич, может, оно тебе пригодится. Нам некогда – живым делом занимаемся!»

Надо сказать, что «живым делом» Александр Фридрихович Бир занимался недолго: до тех пор, пока «великолепная семёрка» в кабинете у «царя Бориса», въехавшего в Кремль на горняцком горбу, не высказала ему свои многочисленные к тому времени претензии. Борис Николаевич молча отлучился в «комнату отдыха», где взял на грудь полновесную стопку коньяку, нажал, вернувшись, на «коржаковскую» кнопку, и – в отличие от сюжета знаменитого американского фильма – чумазую «великолепную семёрку» тут же взашей вытолкали. Само собой, навсегда.

Что-то из переданных мне Биром распечаток я «посеял», как говорится, или раздал в своих поездках по «необъятным просторам Родины», но две из них у меня сохранились. Ставший теперь широко известным «План игры» Збигнева Бжезинского и другая, не менее любопытная. Вот её титульный лист сверху донизу: «Рассылается по специальному списку. № 000067. СОВЕТСКИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. Перевод с английского. Москва. Издательство «Прогресс». 1986.» С указанием на обороте: «Лондон-Сидней. 1985». Приведу лишь

некоторые заголовки многочисленных, на трёхстах страницах, геополитических исследований, принадлежащих обладателям авторитетных учёных званий из США, Канады, Германии, Франции: «Этнические издержки империи». «Советские мусульмане и мусульманский мир». «Советские национальности под атакой. Опыт второй мировой войны». «Успехи на Кавказе». «Советские национальности в мундирах германской армии». «Национальности в Советских вооруженных силах»... пожалуй, достаточно. Потому что сухой остаток всего, как говорится, скрыт в нескольких строках под заголовком «Германская идеология и советские меньшинства»: «Известный нацистский идеолог и министр военного времени в рейхминистерстве по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг был, пожалуй, единственным в нацистском руководстве, кто разглядел в сложившейся в Советском Союзе ситуации с меньшинствами наличие богатой возможностями среды и начал строить планы её использования в послевоенный период. Розенберг предусматривал крупномасштабный демонтаж советского государства, который кардинально ослабил бы его русский компонент... Однако он был не в состоянии претворить свои идеи в жизнь, главным образом, из-за своего раболепия перед Гитлером. Тем не менее розенберговское министерство – быть может, благодаря интересу его шефа к этнической войне как политической е с к о м у о р у ж и ю (разрядка моя – Г. Н.) – стало форумом для дискуссий по этой проблеме».

Выходит, не только новые промышленные технологии вывезли наши ненадёжные союзники из побеждённой Германии. Нарботки идеологические – тоже. А от «раболепия перед Гитлером» мы же и помогли им избавиться: заплатив великую цену общей российской кровью...

Вспомним-ка: не это ли самое, задуманное ещё Розенбергом, началось в самом начале девяностых? Сперва пугали экстремистами-казаками. Потом появились лужковские «лица кавказской национальности». Неприятие их плавно перетекло на эту голь перекатную – на скинхедов и «лиц славянской внешности». И всё это - посреди всеобщего, специально разжигаемого «понаехали тут». Вбивание клиньев меж этносами, припугиванье изменившимся соотношением облика привычной толпы, посев розни, провокация раздоров... И вот уже, судя по опросам ВЦИОМ, пятьдесят два процента россиян предлагают чуть ли не колючей проволокой отгородиться от Северного Кавказа.

А каково это читать нормальным, не потерявшим сердечного расположения по отношению к нам горцам?.. А каково – давно живущим среди них, «вросшим в горы» славянам? А тем, кто, говоря на южный лад, «там вывелся»?.. Сдадим родину?!

Однако ещё два слова о «русском немце» Александре Бире. Позвонил ему на днях по мобильнику, спросил нарочито строгим голосом: «Где скрываешься от народного гнева, Саня?» Он в тон мне возмутился: «Почему это – скрываюсь? В отличие от многих остальных немцев никуда не уехал.

Терплю вместе с русаками. Завёл в Интернете свой сайт. Знаешь, как назвал?.. «Крушение империи грёз» - вот!»

Уверен, что давний мой, обманутый, как почти все мы, товарищ, поведал там и о непростой своей семейной истории. Я посмею повторить её так, как постепенно от него узнавал.

Сперва он рассказал мне, что его младший брат нашёл-таки документы о принадлежности рода Биров к немецким дворянам. Естественно, я его с чистой душой поздравил. Потом он сообщил о своём родстве с именитыми калмыками. Тоже его обнял. Но когда он в бытность мою мифическим московским атаманом заявил, что он – тоже казак, я возмутился:

«Фридрихович!.. Может, ты, в конце концов, что-либо одно выберешь? Кто ты: немецкий дворянин, калмык или казак?!» Он вздохнул: «В том-то и дело: не могу! Потому что предки мои, немецкие дворяне, находились в залоговом браке с калмыками, и вся и та, и другая родня приписана была к Всевеликому Войску Донскому...» А?!..

А мы всё, по старинке, об имперской России: «тюрьма народов»!

В конце 1992-го, когда ещё шла война в Абхазии, и кроме коренных насельников там погибали и молодые кубанские казаки, и парни из адыгейских аулов, я заканчивал перевод романа Юнуса Чуюко «Сказание о Железном Волке», и оба – русский переводчик и автор-черкес – жили тогда, я знаю, единым ощущением: мы – призванные отечеством связисты, которым, кровь из носу, необходимо не дать никому разрушить единое с Россией духовное пространство Северного Кавказа.

Роман с предисловием Валентина Распутина, давшего ему самую высокую, какую только можно желать, оценку, вышел сперва в Майкопе, потом был опубликован в «Роман-газете» в Москве. Теперь о нём написана не одна диссертация, в адыгском мире он, и в самом деле, стал культовым. Юнус Чуюко обрёл звание Народного писателя, нынче он – лауреат Государственной премии Республики Адыгея. Мне досталось то, что ценю превыше всего: признание профессионалов. В большой, на газетную полосу, статье «Свет мудрости и добрых дел», приуроченной, уж прошу простить, к моим 75-ти, доктор филологии Кутас Паранук, словно расшифровывая кратко сказанное Распутиным о переводе «Сказания...» - «блестящий», посчитала должным уточнить: «Конечно же, здесь имеет место не механический и даже не просто адекватный перевод. Г. Н. вложил душу в текст перевода, его мироощущение, мировосприятие присутствуют в каждой строке русского текста романов (многоуважаемая Кутас говорит здесь заодно о втором переведённом мною, «пушкинском», романе Чуюко: «Милосердие Чёрных гор, или Смерть за Чёрной речкой» - Г.Н.), чувствуются в стиле, особой тональности прозы. Талант и высокое духовное состояние автора и переводчика, оказавшись созвучными друг другу, вылились в мощное, захватывающее читателя повествование.»

«Какой казак – не хвостун», это так, и всё же не стал бы повторять эти лестные, конечно же, слова едино ради бахвальства. Всё намного серьёзней.

Более того, возьму на себя смелость сказать: куда трагичней. «Здесь мне особо хотелось бы отметить, - пишет Кутас, - что из неофициальной беседы с одним из друзей Г.Н. я узнала удивительную вещь: вся его подвижническая деятельность на Северном Кавказе – желание писателя отдать долг за русских на Кавказской войне 19 века. Думаю, что этот благородный порыв говорит о многом. Г. Л. Н. – живое олицетворение таких качеств рыцарского кодекса, как доблесть, честь, справедливость».

Ах, милая Кутас!.. Если бы оно, включая чрезвычайно завышенную оценку моих личных качеств, было хотя бы приблизительно так.

В Майкоп, ещё в 1971-ом, мы приехали из Новокузнецка, с большой сибирской стройки, где трудились представители почти стольких же национальностей, сколько их было тогда в «Союзе нерушимом», и никто ни перед кем исторической вины там не ощущал – ну, может быть, только все вместе - перед «куркулями», потомками бывших, в каких только краях не раскулаченных переселенцев, торгующих на базаре в рабочем нашем посёлке летом свежим молочком да первоклассными овощами, а зимой – картохой с кулак, ледяными кругами молока, морожеными пельмешками да великолепной, напоминавшей о доме, солениной... Где, крепко спаянное холодами да тощими заработками новостроечное братство считалось основой неписанного кодекса, нарушить который было ниже достоинства.

И вдруг в благословенном Майкопе, который магаданский писатель-собратор Олег Куваев (наверняка со слов своего доброго знакомого, «золотишника» Хазрета Совмена, так и не понятого потом ни земляками, ни властью в Москве будущего президента Адыгеи) изобразил символом тёплого рая на зеленой нашей земле, так вот, - в этом самом Майкопе, который я считал своей единой с Кубанью родиной, мне было глаза в глаза сказано: «Как это – вы не станете переводить мой роман? В прошлом веке русские нас пожгли и порезали, а теперь вы должны отдать долг – на нас поработать... или вы делаете вид, что не понимаете?!»

В своей статье «Между молотом и наковальней», опубликованной, кроме прочего, в журнале «Национальный интерес», издаваемом блистательной черкешенкой Сулиетой Чухо-Кусовой, руководителем Центра этнопроблем при Союзе журналистов России, я писал об этом несколько деликатней, но время давно уже требует от нас прямого текста.

С тремя малыми детишками - утешением живущих неподалёку, чуть ли не плачущих в ту пору родителей жены - нам пришлось оставить четырёхкомнатную квартиру, которую по щедрости душевной выделил нам бывший первый секретарь Адыгейского обкома партии Нух Асланчериевич Берзегов, светлая ему память, и переезжать в Краснодар. Бежать, я потом не раз об этом якобы на полушутке писал, как Жилин с Костылиным...

Но время полушутки, как и былых недосказанностей, тоже стремительно исходит.

Обратиться к статистике? Написать, сколько русских покинуло с той поры Северный Кавказ?.. А ведь мой вариант, не станем о долгой душевной травме, ставшей первым, майкопским, «взносом» почти в бездонную теперь

копилку печального «северо-кавказского знания», был, может быть, самым мягким из тех, которые испытали остальные мои единоплеменники, один за другим оставлявшие родные, р о д н ы е, подчёркиваю, места на Кавказе.

«Я всё знаю и понимаю вас, - сказал мне тогда великий дружелюбец Киримизе Жанэ, прошедший войну талантливый поэт, родню которого много лет спустя я встретил потом в Иркутске, на «распутинском» празднике «Сияние России». – Знайте это: Адыгея не такая... Верю, что вы ещё к нам вернётесь.»

Во многом благодаря ему я и вернулся. Свободным в душе русским человеком: кого хочу, того и перевожу. Человеком, сделавшим этот хорошо осмысленный выбор: без Кавказа нам – никуда. Затянувшийся спор с бездушной Англией, в пору революции бесстыдно сдавшей кровных русских родственников кичливой своей монархии, всё продолжается – ещё не вечер, ребята! Ещё не вечер, столько раз обманутые и теми, и другими кавказские мои братья!

Крепкий, кубанских корней, писатель-сибиряк Василий Дворцов в недавнем отклике на роман Владимира Кирпильцова «Мытари и всадники», о кавказской войне, с изящной точностью выразился, что истоки её берут начало «не с ледников Казбека и Эльбруса, а из Баскервильских болот».

Поскорей бы нам всем это нынче осознать!

Со мной было так: когда в 90-ом я отказывался от своего, свалившегося как снег на голову, московского «атаманства», ссылаясь на то, что времени нет – собрался переводить большой черкесский роман, известный учёный, доктор физико-технических наук – какие люди верили в это самое «возрождение», какие люди! – донской казак Аркадий Павлович Федотов категорически сказал: «Как раз ваше атаманство и не позволит вам плохо перевести роман кунака-черкеса!»

Можно считать, что один из главных наказов первого круга Московского землячества казаков я выполнил?

И я, действительно воочию убедился, что «Адыгея не такая»: в райских садах, где нынче пребываете, примите за тот давний разговор земную мою благодарность, досточтимый Киримизе!.. И я воочию увидал, что антирусские настроения подогревает не кто-либо – как раз те оборотни, кто смог наивыгоднейшим образом использовать расположение властей предержавших: это их извечный образ жизни - предательство. Более того, сытого брюха для них недостаточно – они претендуют на незримое управление народным сознанием.

Всё повторяется, милая Кутас! И не только нам, русским, свойственно наступать на одни и те же грабли...

Наши предки по материнской линии, Лизогубовы, владели небольшим наделом в абазинском ауле, и двух моих двоюродных братьев, светлая вам, Юра с Володей память, до последнего своего времени приезжавших «до азиятов» подзаработать, старые насельники по-прежнему звали «хозяевами»:

-Что же это ты, Хозяин? Обещал мне первому, а теперь Ахло позвал меня: смотри, говорит, как здорово отраденские ребята мне плитку на кухне положили и стены покрасили!

В отличие от них, рукастых умельцев, ничего такого я не могу, Бог дал мне другое ремесло, и по старой дружбе я помогал кунакам да новым «знакомам» выплакать застарелую боль. Получилось – растравил старые раны и вынянчил уж такую гордыню!..

Перед тем, как вернуться по сути дела на родину я ведь не терял времени даром: сколько старых книг да за последнее время впервые изданных перечитал в московских библиотеках, сколько потом, где бы ни был в Адыгее и на Кубани, разговаривал с пожилыми аульскими жителями и со станичниками, сколько общался с молодыми ребятами: старая сибирская школа, поверьте, - дело великое!.. Знания, добытые таким образом, щедро распространял и дома в быту – «адыге хабзе», кодекс чести адыгов, сначала на полушутке, а потом на полном серьёзе, сделался у моих детей жизненным правилом, - и в своих, чего бы они не касались, текстах. Ну, что делать – было: чтобы приблизить знаменитого оружейного конструктора Михаила Тимофеевича Калашникова к нашим кубанским местам, откуда в 1913-ом, во время «столыпинской» реформы, уехали на Алтай его родители, в книгу «От чужого порога до Спасских ворот», в которой числился «литературным записчиком», я вlepил столько адыгских поговорок, что после в Майкопе пришлось оправдываться: почему, мол, вы прямо не сказали, что Калашников – черкес?..

Но вот, уже в 2010-ом, я сижу в майкопском книжном издательстве над вёрсткой своей книги с символическим, знаковым для меня названием «Вольный горец», и редактор, симпатичная адыгейка, вдруг принимается меня укорять: мол, не ожидала от вас, Г.Л.! Как это у вас, такого, как всем известно, толерантного, поднялась рука написать: «в черных руках – белая копеечка»?

Сперва я даже не понял, о чём речь. «Мне нравится, - говорю. – Прекрасное черкесское присловье: не побоишься рук замарать – заработаешь. А нет – нет!.. Это одобрил в своих мемуарах даже конструктор Калашников. Великий труженик - понял сразу!»

Но вот беда-то: слово «толерантный» редактор знает, но языка родного – нет. Издержки недавнего нашего интернационализма?.. Недаром и звать-то её: М а й я.

Но нынче, в период посеянного между нами раздора, Майе надо определяться: с кем она?.. Со своим народом, который в позапрошлом веке якобы испытал геноцид со стороны русских, как самозабвенно твердит теперь немалая часть адыгской интеллигенции. Или...?

И сердечко Майи настороже.

«Ведь получается, - говорит она, - что вы утверждаете: деньги у нас находятся в руках ч е р н о ж о... ну, не могу, не могу я это произнести!»

Я чуть не кричу: «Да Господь с вами, Майя! Как вы могли такое придумать?!»

Иду к директору АРИГИ, Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, доктору философии Батырбию Берсирову, старому знакомцу, которого до сих пор чистосердечно считаю другом – ведь столько добрых слов о нём написал, а он, не исключая, ещё больше сказал обо мне публично, – и Батырбий, понимающе улыбаясь, выводит на верхнем из лежавших под рукой крошечных листков – сперва на адыгейском, потом – на русском: «На чёрной ладони золото блестит». Ну, прямо-таки не в бровь, а в глаз: о труженике Совмене, поймавшем сибирский фарт, который сделал его больше чалдоном, нежели адыгейцем... Не надо было в детстве читать Джека Лондона, дорогой Хазрет! Не надо было учиться на киномеханика и крутить потом в ауле эти оплаченные кровью наших отцов «трофейные фильмы», в которых ещё жили западные правила джентльменства и рыцарства... Но кто знал!

Летом 1989-ого мы с Батырбием, только что вернувшись из Западной Германии, где он провёл два года на стажировке, стояли в Майкопе посреди двора тогдашнего «Худфонда», где была и мастерская его младшего брата Абдуллаха, талантливое художника, и, понимая друг дружку – один к одному, согласно толковали о заговоре мировой закулисы против России и о том, что надо нам, как никогда, держаться вместе... Что-то с тех пор в нашем единомыслии сильно изменилось? А почему?!

Конечно, не исключен такой грустный факт: адыгейцы, как и остальные из горцев, кто уже много лет не только ездит «к своим» в Турцию, предположим, в другие государства Ближнего Востока и во все остальные страны, где есть кавказская диаспора, но и гостеприимно встречает зарубежных земляков у себя на родине, обладают теперь особым знанием и о мире вокруг, и о цене российской власти в этом мире, так что наш «средний Ваня», питающийся в основном наглым долдонством отечественной пропаганды, для всех для них просто смешон и жалок... Теперь уже и аульские «политологи» расскажут, как будет расчленена Россия и назовут Кубань «русским Косово», а до нас это когда ещё дойдёт! Когда уже будет поздно?

Несомненная заслуга России и тут сыграла с ней злую шутку: во многом, если хотите, мы поменялись местами.

Ещё и поэтому, пожалуй, с великой благодарностью, вспоминаю, как другой Батырбий – Шекультиров, тоже доктор наук, юрист, опубликовал в «Советской Адыгее» большую, почти на полосу, статью «История болезни русского народа», в которой кроме прочего писал: русские всегда помогали нашим окраинам. Но сегодня настала пора помочь самим русским, иначе пропадём. Вместе. Позвонил ему: спасибо тебе, дорогой Батырбий! За эти братские слова. Наконец-то! «Это первая статья, – сказал он. – Я подготовил цикл. Жди!...»

Долго мне пришлось ждать. А когда встретил потом Батырбия на улице и по обычаю радостно обнял, он, печально улыбаясь, сказал: «Ты, наверное, не знал: я – татарин! А мы с тобой живём в Адыгее...»

Нынешний Президент которой – не символично ли?! - уроженец аула Уляп, издаёт большой красочный альбом, где есть слова не только о геноциде черкесов в 19-ом веке, но и, прямым текстом, о «русском фашизме»: в то-то давнее времечко!

Это всегда оставалось в памяти: в девяносто первом году кубанские атаманы приехали в Майкоп убеждать черкесов в своих исключительно миротворческих намерениях, и я, как раз корпевший тогда над переводом «Сказания о Железном Волке» и знавший об общей нашей непростой истории куда больше краснодарцев, внёс свою немалую, выражаясь языком Саши Бира, лепту в то, чтобы переговоры завершились успешно... Потом было застолье в кафе, после которого адыгейцы подвезли меня, всю жизнь «безлошадного», к дому тестя на Первомайской улице, и Альмир Абрегов, бывший в ту пору директором краеведческого музея, многозначительно, явно для своих, произнёс: «Какой, какой номер дома, ещё раз?.. А то вдруг придётся ночью подъехать...»

Вы уж извините меня, адыгские братья, за этот прямой текст.

Может быть, настала пора вновь договариваться? Не «по-нарошному», как это водится теперь почти во всех властных структурах, не на показ, а всерьёз. Разве у нас не одни и те же беды? Разве не одно горе-горькое?

Не раз уже публично упоминали о том, что с покойным Нальбием Куёком, настоящим поэтом и глубоким философом, который в отличие от остальных, всё мучающихся на земле, пребывает нынче тоже в райских садах, нас связывала крепкая дружба. Это так. В компьютере у меня до сих пор «висит» незаконченная большая работа: «Песня о бесстрашном Нальбие». Так вот, как-то однажды он сказал: «Мы с тобой знаем чуть больше других. И о русских, и о черкесах. Это не наше преимущество – наша острая боль. Потому что оторви нас сейчас друг от дружки, и образуется смертельная рана не только для нас. Для России тоже, ты это знаешь...»

Знаю, Нальбий. Потому-то и пишу эти горькие строки.

Небольшой отрывок из второго, переведенного мной романа Юнуса Чуюко, вышедшего в Майкопе в 2003 году: «Милосердие Черных гор, или Смерть за Чёрной речкой». Речь в отрывке идёт о наших с Юнусом грустных беседах за калмыцким чаем у него дома или в нашей московской квартире, которой тоже хорошо известен и вкус и запах с детства любимого напитка: не доверяя это дело жене, по-прежнему варю его сам.

Так вот: «Пока пили, снова успели - обо всём, уже говоренном-переговоренном: что в точности повторяются сценарии девятнадцатого века, только притязания всех сопредельных и всех дальних стран, охочих до кавказского рая, сделались куда наглей и напористей, а в России куда больше стало и откровенного предательства, и всеобщего негодяйства и бесчестия... Но первопричина, первопричина? Кто поощрял беспредел в Чечне? Кто оставил там горы оружия? Для чего?!.. Это – Кавказ. У многих тут до сих пор болит, в мире непогода – а здесь заныли старые раны, заговорили давние обиды... Старые болячки сами помогали ковырять разговорами об

имперском угнетении и будущей всеобщей свободе и тут же потом прогнулись перед Западом... ей! Тлегупешезеи – как бесстыдно прогнулись! Кавказ не такой. Прогибаться тут не любят больше всего, а потому взялись за то самое оружие, которое тут, считай, приготовили... Эти чеченские парни, которые Абхазии помогали, и в самом деле, должны были стать элитными частями русской армии, а они ушли в горы, и лучшие теперь охотятся за лучшими, лучшие убивают лучших... Говорят, удалось избежать гражданской войны, да как же – вот она, просто вся российская кровь стекает в одну чеченскую рану!.. В чёрную дыру посреди наших Чёрных гор... чего ты хочешь, Россия? Привела под царскую руку, а когда чуть не все смирились и попривыкли к нему – взяла и убила царя. Привыкли к Ленину – теперь его собираешься из мавзолея выносить. Сама не знаешь, кому кланяться, а дети твои виноваты... Объявили теперь всеобщий набег на народное богатство, и хочешь, чтобы в наездниках не заговорила кровь, чтобы кони их остались в конюшнях, когда всюду слышится топот, и не грабит, и правда что, только убогий с ленивым... но как жить? Если этот твой Понтий, который уже и рук-то давно не моет, всех нас чуть не в один момент превратил в с а д з а к а х е д з о в, просителей милостыни?! Как жить?.. Неужели ты, и правда, поддерживаешь этот чеченский огонёк, чтобы показывать на него остальным: не будете вести себя смиренно – полыхнёт и у вас! Или это его показывает сама история?.. Ведь как теперь-то вот повернулось: террористы, Хаттаб, арабские деньги от Бен-Ладена... А были бы мы едины?

Или нам всем давно пора надеть не только эти лягушачьи костюмы, но надеть также – всем и каждому – черные маски, которыми в равной мере пользуются боевики и спецназовцы, «плохие» и «хорошие», ым?.. Напялить бы их на всю большую страну. Кому-то грабить стало бы ещё легче, кому-то – брехать, кому-то просить, кому – скрывать слёзы либо краснеть от стыда, это ведь нынче тоже слишком большая роскошь, стыд, скрывать надо!

Можно было бы также найти, наконец, какого-нибудь несчастного и смертельно больного, твёрдо решившего поскорей свести счёты с жизнью, и он лёг бы в маску перед бегущим поездом, а наши телеведущие сказали бы: вот он, человек чести!

Обещал – сделал: лёг на рельсы».

Двадцать лет с той поры, как Железный Волк-Разрушитель, Волк-Выедатель людских сердец, начал хозяйничать не только на Кавказе – по всей России... Что-нибудь с тех пор изменилось?

Мы ведь были на своей «ударной-комсомольской» романтики!

Таковыми многие из нас и остались. Несмотря ни на что.

Когда-то, ещё в советское время, по слёзной просьбе старушек-«белых платочков» я защитил от райкома родной станицы совершенно замордованного им молодого батюшку. Мы не перестали дружить, когда он переехал в Армавир, стал там настоятелем главной в городе Троицкой церкви

и открыл при ней известный теперь по всему Северному Кавказу Православный социальный институт.

Как-то при очередной нашей встрече он вдруг заговорил:

- У нас в Епархиальном управлении перед священством выступал генерал Казанцев, начальник Южного федерального округа и, знаете, что сказал?.. У нас, говорит, есть большие деньги, которым мы не можем найти должного применения... посоветуйте, отцы: в какое бы доброе дело их вложить?.. А вы мне постоянно рассказываете о своих попытках наладить на Северном Кавказе общее литературное дело... может, вам сложить бы усилия?

И тут же я получил не то что благословение – получил чуть ли не строгое послушание: срочно отправить генералу письмо со всеми, какие у меня могут быть, дельными соображениями.

Кроме кадетских училищ и горских школ, в которых тут и там непременно вместе обучались бы «дети разных народов», кроме возрождения на добровольной основе старинных институтов «побратимства», «куначества» и «аталычества-канства», чего только не предложил я Виктору Германовичу: «наладить», «открыть», «создать», «учредить». «На основе лучшего из тысячелетних традиций», разумеется. Конечно же, «с учётом советского опыта, позволившего подняться и окрепнуть молодым братским литературам». Само собой – «с использованием новейших информационных технологий»... Нет, правда: жертвенное переводческое дело утратило державный, государственный статус, окончательно восторжествовал известный стиль переклада «с корейского» - «всё равно кого, лишь бы – скорей». Жируют явные халтурщики, процветают литературные «теневики», у которых за немалые деньги всё, что хочешь, можешь купить и завтра же объявить себя классиком... А честно «жить с пера», о чём мечтал ещё Пушкин, опять невозможно, тем более – молодой «нищете беспортошной»...

Почти обо всём этом есть в давно уже опубликованном грустном моём рассказе «Бросок в Ставрополь» из книги «Газыри»: как не дождался я от большого начальства ответа, как сочувствующий мне армавирский священник, протоиерей Сергей Токарь, позвонил однажды в Майкоп, где волею судьбы мы с женой на несколько долгих лет подзадержались, и предложил вместе с ним поехать на «встречу духовных лидеров Северного Кавказа», которую вместе должны были провести Владыка Гедеон, царство ему небесное, бывший новосибирский епископ, хорошо знавший чумазую нашу «Кузню», и генерал Казанцев.

«Берите копию письма, - посоветовал батюшка. – Вместе попробуем с ним встретиться и отдадим прямо в руки...»

Что делать, снова придётся себя цитировать: «Ещё раз оглядел всех, кто только мог мне быть виден: иерархи в рясах и клобуках, муфтии – одни в высоких серых папахах и цивильных костюмах, наши, кавказские, другие в халатах и тюрбанах – татары с Волги. Раввин с ермолкою на самой макушке...

Речь шла о вещах серьёзней некуда: на постоянной основе создавался миротворческий Межконфессиональный Совет, надо было определить

будущий состав его и рабочую группу. В розданных участникам документах предлагался проект заявления о безоговорочном осуждении «экстремизма и терроризма во всех его проявлениях» и каких бы то ни было попыток придать ему межнациональную или религиозную окраску... а в зале всё упорно продолжали бубнить, что такое? Неужели даже в такой высокодуховной аудитории... и вдруг я понял: в разных концах работали переводчики, усердно толмачили что-то на ухо хорошо одетым господам с лицами как бы сладко-приятными и в то же время малоприметными, как бы со стёртыми в длительных поездках по разным странам и континентам чертами: пасторы!

Кто только не значился в списке участников: кроме представителей традиционных верований – «евангелисты-пятидесятники», «Адвентисты Седьмого дня», «христиане-баптисты»... Вообще-то, если на то пошло, то слово могли бы получить и они, тоже как бы давно свои, куда ты от них денешься – «российские», как нынче принято... Но вслед за сановитыми священниками и муфтиями объявляют сперва германского пастора Освальда Вутцке, «генерального уполномоченного евангелическо-лютеранской церкви по Северному Кавказу», а сразу за ним следует: американец Нэд Кларк Арнольд, представитель «церкви Иисуса Христа последних дней по Южному региону»...

Не знаю, что при этом подумали остальные из участников высокого собрания, а мне, грешному, представлявшему тут давно известную на Руси организацию «Сбоку припёка», опять вспомнился бессмертный наш Александр Сергеевич: «Сколько их, куда их гонят...» Ну, с немцами ещё понятно, достались от государя Петра Алексеевича, но американец-мормон, который рассказывает, что на приёме у президента Буша, где тоже осудили терроризм, среди руководителей двадцати шести религиозных объединений и он, значит, присутствовал... Хочет, чтобы и у нас их было не меньше?

«А-енасын!» - как черкесы говорят.

Примерно: «Надо же!»

Но мало, мало того, что обоим дали слово – когда объявили перерыв, то они первыми нашего Виктора Германовича и «ограчили», бесцеремонно оттеснив российских «духовных лидеров», которые по привычной своей терпеливой скромности жались сзади... Но батюшка с папкой, где лежали общие наши письма, сам упрямо пробирався вперёд и меня подталкивал: «Давайте, давайте, не стесняйтесь – никто за нас этого не сделает!»

Развязал, значит, руки старой сибирской школе. Вернее сказать, - язык.

И я почти закричал, как мы говаривали на стройке, - заблажил:

- Да что ж это?! Опять - переводчики с немецкого да английского, а если с адыгейского переводить – никому до тебя и дела нет? Непр-р-раильна!..

Симпатичный человек средних лет с бумагами в руках тоже взялся, дружелюбно посмеиваясь, подталкивать к Полномочному представителю, которому я уже протягивал экземпляр «Сказания...» с чрезвычайно почтительной, ну, конечно же, «дарственной»: это вы, мол, укротили Железного Волка, но дальше-то, Виктор Германович, - дальше что?!

Отец Сергей сделал отчаянную попытку сквозь шум и толчею вокруг меня представить: мол, с благословения Владыки Исидора он послал вам большое письмо...

- Не получал! – по-военному коротко отрезал Казанцев.

- Да как же, как же?! – зачастил я, называя фамилии московских заместителей Казанцева. – И Слепцов вам должен был доложить... И у Акульчева я тоже был с текстом, он обещал...

- Писателям на Северном Кавказе свой журнал нужен, - взялся помогать армавирский батюшка. – «Кавказский дом», предположим... который бы всех объединил. Или, как в письме, - «Глагол Кавказа».

- Нужен такой журнал, Виктор Германович? – перехватил я. – Обращаюсь к вам не только как к большому чиновнику... не только к державному человеку - ещё и к собрату, который тоже может держать в руке перо... нужен?!

- Нужен! – как бы приказал Виктор Германович с напором уже не только начальственным, но и сердечно-дружеским, словно солнышко из-за туч пробившимся и сквозь озабоченность делами куда более важными, и сквозь хлопоты нынешнего заседания. – Надо выпускать!

- Издание «Библиотеки народов Кавказа» - нужное дело?

- Нужное!

- Литературная энциклопедия Кавказа?

- Очь хорошо!

- Кавказская премия Пушкина?.. Лермонтова?.. Премия Толстого?

- Надо, обязательно надо!

- Премии кавказских просветителей?

- Тоже надо – ну, делайте! Делайте!

- Да кто это может сделать, Виктор Германович?!

Этот, с бумагами в руках, человек, который сочувственными кивками как бы явно помогал разговору, сказал простосердечно:

- Надо было сразу ко мне, это по моей части, - и руку протянул. – Епифанцев. Сергей Николаевич. Заместитель Виктора Германовича, по делам культуры в том числе...»

Думаю вот теперь: может, они там и поныне всё «делают», «делают»... Уже сменился в Южном федеральном округе и один Полномочный представитель, и другой, пришёл третий...

А тогда я возвращался в Майкоп в машине председателя Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края, молодого муфтия Энвера Шумафова, земляка по отрадненскому Предгорью. Разговорились по душам, и муфтий сказал задумчиво:

- Американец-то этот... как его церковь?.. Чужой и чужой. Вроде никто не против... Но с другой-то стороны: это ведь не только наш неуспех. Мусульман. У православных тоже отобрал верующих. Хоть сколько, а отобрал. Молодых!.. Никак нам на Кавказе порознь нельзя. Чем дальше мы друг от друга, тем шире щель, в которую какая только неожиданная беда не проберётся!

Сколько лет вспоминаю мягкий говорок достопочтенного муфтия, за то, как понимаю, потом и смещённого: за излишнюю деликатность...

Не знаю, живо ли нынче это мертворожденное дитя: якобы миротворческий Межконфессиональный совет.

Я и тогда так о нём подумал, а нынче, когда прошло несколько лет, и целенаправленные межэтнические толчки на Северном Кавказе сделались ещё ощутимей, - подумал ещё определённой.

«Я и не знал, что на Кавказе у нас столько религий!» – простодушно и даже как бы не без некоторого восхищения в голосе, воскликнул тогда, открывая высокое собрание, Казанцев.

С тех пор их стало и ещё больше. Кому на руку?!

Надо ли говорить, какие надежды во мне зажглись, когда президент Фонда интеллектуальных и социально-экономических программ Сергей Филатов, с которым познакомился в Железноводске, во время проведения журналом «Дружба народов» «круглого стола» с символическим названием «Литература Северного Кавказа: многообразие и единство», предложил мне составить сперва сборник рассказов горских писателей, потом - два крыду сборника повестей... Общее название этого мероприятия – «Северо-Кавказский проект» - ласкало ухо.

Худая слава, ходившая о Филатове среди записных патриотов, меня не смущала: был бы от нашего сотрудничества толк. И поначалу казалось: будет!

Первый том, в котором опубликованы рассказы сорока пяти авторов из всех республик Северного Кавказа, вызвал живейший отклик и на московской презентации в Доме литераторов, и на последующих представлениях его читающей публике в Нальчике и в Майкопе. Общий протест вызывало только доставшееся сборнику «по наследству», так получилось, совершенно неприемлемое для Кавказа название: «Война длиной в жизнь». Сколько мне пришлось по мере сил сглаживать неблагоприятное впечатление о нём, уверяя, что более остального имеется в виду духовная борьба, которую каждый из нас в сообществе с кем-то, а то и, случается, в полном одиночестве ведёт до смертного своего часа... С пониманием принималось, но как заметно было, насколько обрыдла на юге война в изначальном её, кровавом обличи!

Майкопские земляки, которые наиболее ревностно и глубоко-профессионально отнеслись к сборнику-первенцу, прямо-таки потребовали выдвижения его «на какую-нибудь литературную премию», и трогательный их порыв был как будто услышан: на Национальном конкурсе-2008 «Война длиной в жизнь» вошла в десятку лучших книг года, Сергею Филатову вручили специальный приз – изящную бронзовую статуэтку «Идущий с книгой».

«Не бойтесь, я не обижу наших авторов! – шепнул мне Филатов, только что спустившись со сцены со статуэткой и дипломом в руках. – Премию между всеми разделим поровну».

Разве, в самом деле, не радость?! Перед этим «гонорар» выдали сборниками: по пять экземпляров на брата. А тут на круг – полтора миллиона сразу. Пусть не такие большие деньги, но ведь гордости будет, гордости – это Кавказ!

Но радовались мы преждевременно: полтора миллиона вручались лишь за персональные книги... Державный интерес сторонкой обошёл горцев, ни чуточку этого не стыдясь.

И всё же то был расцвет общих надежд: чуть ли не каждая республиканская газета на юге опубликовала корреспонденцию из Москвы: «Идущий с книгой» держит путь на Кавказ!»

Ох, и труден оказался этот путь, ох – труден!

Горько думаю нынче: неужели «яйцеголовые» советники ослепительно улыбающейся нашей верхушки всё-таки посчитали, что «путь на Кавказ» с «калашом» на танковой броне и с «вертушкой» над ними в воздухе надёжней и выгодней?

И «Фонд Филатова», и рабочий мой кабинет попросту говоря забиты рукописями писателей, поверивших в «Северокавказский проект», обнадёженных неожиданно блеснувшей возможностью вернуться к серьёзному читателю... разве от него так уж мало в нынешней беспокойной жизни зависит?... А склады издательства АСТ забиты непривычной для него, прямо скажем, совсем некоммерческой, так нескоро приносящей доход книжной продукцией... Позвольте мне снова вернуться в Сибирь?

Есть у меня старинный, ещё с той, новостроечной поры, друг, сорабничеством с которым искренне дорожу: он из тех государственников, кто по-прежнему пытается не только удержать по швам расплывающуюся родину, но и придерживать возле неё сопредельные страны – хотя бы традиционными спортивными связями, хотя бы – так. Он мне первый и позвонил, когда Полномочным представителем на Северном Кавказе был назначен красноярец Хлопонин: ну, наконец-то, мол вам с Филатовым крупно повезло – срочно пиши нашему земляку.

Но я только вздохнул:

- Если хочешь знать, в родном моём районе есть хутор: Хлопонин называется...

- А я тебе – что? – обрадовался мой друг. – Пиши, я тебе говорю.

Но сколько можно, ребята?!

Вместо привычной прозы писать уничижительные тексты...

Скорее всего, что Сибирь – это навсегда. Это как вера, которую не меняют.

Представьте себе, что в укор мне он сам в конце концов написал письмо Хлопонину. Позволю привести его целиком.

«Многоуважаемый Александр Геннадиевич!

В России и в мире внимательно следят за Вашими активными действиями по развитию экономики и социальной сферы Северного Кавказа. Предполагаемые материальные и интеллектуальные вложения в этот регион впечатляют. И если усилия всех: центра, территорий, местных органов позволят принести сюда мир и спокойное созидание, вновь превратить этот

благодатный край в любимое всеми место, то Вы безусловно войдете в историю Кавказа.

Хочу поделиться с Вами некоторыми соображениями, касающимися сохранения уникальных культурных традиций народов, проживающих на территории Северного Кавказа. Они навеяны презентацией трёх объёмных сборников повестей писателей Северного Кавказа: «Война длиною в жизнь», «Лес одиночества» и «Цепи снеговых гор», составленных известным русским писателем Г. Н. и изданных при финансовой поддержке Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям Фондом интеллектуальных и социально-экономических программ (Фонд С.А. Филатова). В сборниках собраны воедино замечательные творения маститых и молодых писателей, представляющих практически все народы Северного Кавказа. Они возвращают сокровенное значение традиций этих народов: верность долгу, любовь к Родине, беспощадно разят невежество, предательство, глумление над личностью. Это искренняя, правдивая попытка объяснить горский характер, сформированный веками на благодатной земле жестокими испытаниями. Всё это надо читать, ибо затрагивает до глубины души. На примере героев этих повестей должны воспитываться молодые люди, живущие в этих краях: труженики, верные дружбе, товариществу, достойные сыны Отечества.

К сожалению, прошло уже больше двух лет после издания этих сборников, но они остаются незамеченными широкой общественностью.

На мой взгляд, они же могут сыграть заметную роль в реализации грандиозных планов возрождения Северного Кавказа, ибо в культуре, национальной самобытности народов заложена громадная сила созидания.

Что я предлагаю?

Во-первых, на официальном уровне заметить эти книги. Может быть, учредить и гласно вручить специальную премию издателям.

Во-вторых, каждое учебное заведение, библиотека Республик Северного Кавказа должны иметь эти книги для массового читателя.

В третьих, учитывая присущие народам Северного Кавказа традиции духовности и физического воспитания, учредить проведение «Фестиваля духовной и физической культуры Северного Кавказа».

Дорогой Александр Геннадиевич! Мои предложения, связанные с изданием, выражают мысли искреннего читателя, что же касается «Фестиваля духовной и физической культуры народов Северного Кавказа», то в его проведении Международная Конфедерация спортивных организаций имеет значительный опыт и готова активно включиться в реализацию этого проекта.

С уважением, Президент международной Конфедерации спортивных организаций, академик международной Академии творчества Б. Н. Рогатин».

- Слезу, Борис Николаич, вышиб! – сказал ему, когда он неожиданно позвонил и зачитал этот текст по телефону. – Спасибо тебе, Борис, - и правда. И за понимание, и – за плечо, которое в очередной раз подставил. Конечно, перед олимпиадой бы – самое время!

Он там уже ещё что-то соображал:

- Давай-ка так. Письмо наши ещё неделю назад отправили, но копия, разумеется, осталась. Попрошу сейчас сделать еще пятнадцать-двадцать, на нашем бланке. Заскочишь – возьмёшь. Или, хочешь, перешлю тебе. Единомышленников у тебя много, это я понял по презентациям. А поедешь на Кавказ, с собой захватишь, глядишь - пригодятся...

Мог я поехать на Кавказ. Мог. Да что там: уже и купил авиабилет на рейс до Махачкалы, и чемодан собрал, плотно набитый своими книгами – иначе кто их, с такими-то жалкими теперь тиражами, и где найдёт?.. Уложил в него и рогатинский «крик спортивной души» в двадцати экземплярах, и номер журнала «Библиополе» с большой статьёй Русланы Ляшевой с длинноватым заголовком, позаимствованным ею из стихотворения Фёдора Ивановича Тютчева: «Железом или кровью? Попробуем спясть любовью...»

Определив журнал поверх вещичек, даже руки потёр от предвкушения должного произойти на вечере в Дагестане маленького сюрприза... А дело вот в чём.

На презентацию двухтомника повестей «Лес одиночества» и «Цепи снеговых гор», проходившую на Книжной выставке-ярмарке-2010, пришёл один из самых главных болельщиков нашего с Филатовым Проекта: директор Института философии, доктор и академик РАН Абдусалам Гусейнов. Знарок Кавказа с детства: лезгин. Знакомы с ним ещё со студенческих лет, когда я сбежал с «философского» на «журналистику», а он остался там грызть «гранит науки»... какое там - за двоих?!

Сам, слава Богу, не обделённый энергией южанин, не переставал удивляться его могучей работоспособности и масштабу мышления: разве мог он не подтвердить это перед собравшимися тогда земляками – и кавказцами, и москвичами?.. Заметив, что после речи он тут же собирается нас покинуть, я выскочил вслед за ним и заторопился, как школьник: мол, непременно надо повидаться, Салам! Уточним повестку «круглого стола», который ты, спасибо тебе, предложил, решим, кого из учёных надо обязательно пригласить: тут без тебя я, как понимаешь, - пас!

И скоро мы сидели в уютнейшем кафе через дорогу от саламова Института, напротив храма Христа Спасителя, куда Салам пригласил также общего нашего старого товарища Геннадия Бициона, тоже бывшего однокашника: оставшись теперь в Узбекистане, он пытался там наконец-таки утвердить некое оригинальное учение, выстраивать которое ещё с аспирантской поры и в шутку, и всерьёз помогал Геннадию Францевичу всемогущий Абдусалам Абдулкеримович.

Ощущаете некий полушутливый налёт, невольно покрывающий строгий текст?.. Или вы окончательно забыли свои золотые студенческие годы, и ничто из тех подернутых ностальгией времен уже не пробьёт грудную клетку: ни с некоторым жирком, ни совершенно аскетическую?

Я любовался ими, такими разными детьми того далёкого времени: отец Геннадия, чистый литовец, погиб на фронте, воспитывала их с братом мама, щирая украинка, приезжавшая к нам в общежитие на Стромынке тётя Маруся. Гену, ещё перед войной, они записали, само собой русским, и нам когда-то чуть ли не всем курсом пришлось отстаивать перед ташкентскими родителями красавицы Саодат их с Бицоном, и действительно, интернациональный союз... Абдусалам был цельное воплощение Кавказа.

Атмосфера за нашим столом держалась, и в самом деле, полушутливая, но главное было произнесено: неудержимо выраставший из наших трёх томов «концепт справедливости», который должен был объединить русский Юг... Но разве в нём не нуждалась вся страдающая Россия?

И я одну за другой записывал произносимые Саламом и тут же всплывавшие из памяти полузабытые мной фамилии известных, не замаравших себя, слава Богу, политологов, историков, социологов, его собратьев-философов...

Но почему, вы ответьте мне, самым известным мыслителем сделался у нас Виктор Степанович Черномырдин с его бессмертным шедевром: «Хотели как лучше»?

Что разбираться в пустой теперь след, кто и зачем поторопил события, но «круглый стол», для которого Гусейнов твёрдо обещал дать зал в Институте философии, неожиданно объявили в одной из выгородок Книжной ярмарки-2011, где было шумно и суетно, а всю передовую науку скопом взял на свои многоопытные плечи блестящий, конечно же, но одинокий в тот час Лев Аннинский...

Невольно вспоминается философская школа Бициона, на ташкентской жаре так и не доведённая им до окончательных научных сентенций... ау, Геннадий Францевич, скоро там?!

Как отодвинутому в сторонку забойщику мне всё-таки пришлось сидеть в первом ряду, отсюда совсем почти было не слышать тех, кто вставал вдруг в задних рядах, а этот говорил из самого дальнего угла... Но интересно и чуть ли не вызывающе говорил: какая, мол, северокавказская литература, вы о чём?!.. Есть вечные книги. Есть «Хаджи-Мурат» Толстого. О современном Кавказе там сказано больше, нежели во всех новейших сочинениях...

Они стояли вместе: три средних лет высоких джигита, говорил тот, что посередине, а на лицах двух остальных словно отображалась его насмешливо-горькая речь... Тут и кольнуло это впервые: Хаджи-Кавказ!

Во все времена?!

С кем бы из собратьев-писателей в южных наших краях не общался, редко кто из горцев чуть ли не с придыханием не поминал бы «Хаджи-Мурата», и почти всякий раз я потом заново перечитывал повесть, пытаюсь осмыслить некую загадку её безусловного притяжения... Что там о чеченцах? Переменчивый, мол, легкомысленный народ. А он, такой и сякой народ этот, бережно охранял от разора музей Толстого в самое, казалось бы, кровавое и бессмысленное время. Перевешивает горькая правда графа-мужика, сказанная о собственном, о родном народе?.. Или больше всего, конечно же, -

о высшей власти в России: «Николай был уверен, что воруют все». Как это в наше воровское-то время не оценить?.. Или это всё лишь короста, под которой скрыта неосознанно влекущая к себе тысячелетняя тайна внезапной, посреди всеобщей жестокости, искренней нежности возникающей меж людьми, не знающими ни языка, ни обычаев друг друга... есть там об этом, есть!.. И есть, конечно же, простенько сказанное бедным солдатиком Петрухой Авдеевым, жертвенно заменившим собой старшего, уже женатого брата: «Известное дело, мир – большой человек». Чем, если вдуматься, не русский шифр?.. И, как один «большой человек» терпит теперь вся «единая» и до недавнего времени «неделимая», а переменчивый и пылкий Кавказ, как один «большой человек» колеблется в хаджи-муратовских муках: как быть? Кому поверить? С кем остаться и не уронить себя?

... Решил всё-таки нарушить и без того прерывистое течение «круглого стола», опытной рукой Анненского твёрдо вводимое в берега традиционных теперь повсюду шоу-собраний: встал и двинулся в сторону только что отговорившего незнакомца. Но его уже и след простыл. Дело давно по Кавказу знакомое: «Я – сказал!»

- Слушай, тут только что стояли трое, - обратился к коллеге с диктофоном в руке, давней знакомой Руслане Ляшевой.

Она откликнулась радостно:

- Он так интересно говорил, я записала... Пожалуй, вообще сделаю обо всём этом материал для «Библиополя». Знаешь, кто это был?.. Поэт Магомед Ахмедов, секретарь Дагестанского...

Она ещё не договорила, а я воскликнул:

- Да ведь я уже столько его ищу!

Совсем, как раззява-федерал – удачливого полевого командира, да.

Но вот почти стремительно вышел пятый номер «Библиополя» за 2011-ый год с обширной статьёй Русланы Ляшевой. В каком-то смысле это была как бы рецензия на моего вышедшего в Майкопе «Вольного горца». Но не только, не только. Потому что в самой книге был дорогой мне раздел «Портреты единомышленников», мимо которого не прошла и Руслана.

Ну, что там о Валентине Григорьевиче: Распутин и на Кавказе – Распутин. Ляшеву заинтересовали размышления о талантливейшем кабардинском прозаике Эльберде Мальбахове, светлая ему память, писавшем на великолепном русском, и особенно – о поэте Любе Балаговой, тоже кабардинке. Ей в книге посвящено эссе «Откровение», и я, поверьте мне, почти счастлив, что цитирую сейчас Любу не по её изданной в Нью-Йорке книге «Царица», не по моему тексту, в котором я не удержался, чтобы этот отрывок её размышлений не повторить, а – по статье Русланы Ляшевой, тоже явно тронутой сокровенными строчками о жене как только не унижаемого нынче Ивана Васильевича Грозного: продолжают своё шествие «из уст в уста», с одного листа на другой, пламенные слова Балаговой! «Она воскресла в моей душе, - пишет Люба, - как Великий Ангел, позволяющий увидеть неисчерпаемую глубину духовного плана адыгов и дарящий бесконечную любовь ко всему русскому... Её судьба – родиться кабардинкой, затем стать

великой Русской Царицей, быть принятой, любимой и возвеличенной, а затем быть забытой и униженной – возвышает её до таких высот, что её имя смело произносится рядом с именами святых. Чем сильнее искажают её светлый образ, тем ярче и чище становится её Душа. Её имя связывает два народа – кабардинцев и русских. И, возможно, именно потому, что в мире когда-то была (а для меня есть и поныне) Гошаней, или царица Мария, я ощущаю свою равную принадлежность как к кабардинскому, так и к русскому народам. Осознаю свою духовную причастность к Кабарде, точно так же, как и к Москве».

Может, тут самая пора вернуться к молодым офицерам элитной дивизии из «русского города Н»?

Вот как в романе Любы Балаговой утешает мужа-государя молодая его жена в трудный для него час: «Взяла я в сердце всю страну твою./ И если в ней исчезнут вдруг солдаты/ - я сброшу платье и надену латы,/ чтоб защитить тебя и Русь в бою./ Иль рухну мёртвой – или устою!»

Истинная кабардинка. Черкешенка!..

Но мы ведь – о Махачкале. О Дагестане.

«Размышления Г.Н. и Любы Балаговой удачно дополнил и развил талантливый поэт и руководитель Союза писателей Дагестана Магомед Ахмедов. На 14-й национальной выставке-ярмарке «Книги России» на ВВЦ в марте 2011 г. он выступил на заседании «круглого стола» и сказал, что в повести Толстого «Хаджи-Мурат» Кавказа больше, чем в нынешних книгах некоторых современных писателей. Им ведь важно самих себя показать, на большее они не подвизаются. Очень верная мысль. Единое духовное пространство России и Северного Кавказа продолжают удерживать не только современные писатели, но и классики русской литературы, писавшие о Кавказе – Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой.

Вот, собственно, и концепция, её сформулировали три писателя: Магомед Ахмадов, Любовь Балагова и Г.Н. Однако чуть было не упустила из вида четвёртого, главного – родоначальника концепции: ведь именно Фёдор Иванович Тютчев – поэт, дипломат, образованнейший консерватор и есть автор концепции «двух единств»: «Из переполненной Господним гневом чаши/ кровь льётся через край, и Запад тонет в ней./ Но не смущайтесь, братья наши! -/ славянский мир, сомкнись тесней.../ «Единство, - возвестил оракул наших дней, -/ быть может спаяно железом лишь и кровью».../ Но мы попробуем спаять его любовью./ а там посмотрим, что прочней!»

И вдруг вышло: журнал с этой публикацией ещё лежал среди бумаг на моём рабочем столе, а мне позвонили из Союза писателей России и сообщили неожиданную новость – я, прозаик, за свои изданные в Майкопе и Владикавказе «кавказские» книжки попал в число лауреатов Дагестанской премии «Белые журавли», основанной ещё Расулом Гамзатовым.

- Это будет юбилейный праздник – двадцать пятый, - явно радовался и за дагестанцев, и за всех, кого они пригласили, первый секретарь Союза Геннадий Иванов. – Срочно бери билет до Махачкалы, собирай чемодан!

Бывает же так! – всё размышлял в те дни, когда уже взял билет. Ведь – в «десятку», что называется, в «десятку». Ну, не судьба?.. Не перст Божий?

Вызовут на сцену, или куда там, чтобы эту самую премию вручить, и я выйду с экземпляром «Библиополя»... «Дорогой Магомед! – скажу Ахмадову. – С «круглого стола» на книжной выставке ты ушёл раньше времени, но вот всё равно мы вместе: и в этом журнале, который рад тебе передать, и тут – в Дагестане. И, конечно, - в России. Как и наши народы: русские и аварцы...»

Или аварцев надо назвать всё-таки первыми? Как там по кавказскому этикету, в горах почти всюду схожему? «Аварцы и русские», да. А потом – и о тридцати, кажется, их столько, народностях Дагестана надо сказать, и о ста с лишним по всей Большой Родине: надо нам быть едиными. Необходимо, как, может быть, ещё никогда... или всего этого мало, и всё надо несколько иначе... ну, в самолёте, в самолёте!

До самолёта, однако, не дошло.

Не думаю, чтобы так тяжёл был вместительный чемодан, подаренный мне на презентации в Майкопе великодушным черкесом Увжуко Тхагапсовым, давно хорошим поэтом и только-только начинающим, но подающим большие надежды прозаиком. Не думаю... впрочем, что ж теперь заниматься «разбором полётов», тем более - несостоявшихся?

Спустя денёк-другой, как улетели остальные, из Майкопа позвонила давняя добрая знакомая, вездесущая Нафсет Кушу, генеральный директор Южного филиала Музея восточного искусства - черкесское воплощение энергии и дружелюбия, опекавшее меня, не всегда делового, словно младшая сестрица в лучшие времена: не только в родной для неё Адыгее - по всему Северному Кавказу.

- Это я тебя вызвал, Нафсет! – сказал ей горько. – Всё тут вспоминал любимую твою поговорку: хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах...

Она деловито осведомилась:

- И какое у тебя было давление, дорогой?..

Положил мобильник – снова к телевизору приник. Не отрывался от него, как только пришёл в себя: что там о «гамзатовском» празднике покажут? Тем более юбилейный, Иванов сказал, двадцать пятый. И кто там с ним ещё полетел?.. Тогда торопился, сказал, чуть не захлёбываясь: всё-всё!.. Сам в салоне увидишь.

... Спецоперация в ауле... как его?.. Какой-то ещё незнакомый на слух аул. Мы ведь по этим передачам о спецоперациях уж столько названий невольно выучили!.. Конечно, не ко времени, нет, да что делать?

А какой, какой наверняка там будет праздник!.. Как старый, ещё с до-контр-революционным стажем, массовик-затейник, не только где только не побывавший, но и сам не однажды в разных концах отечества шумные праздники устраивавший, хорошо себе представлял, что можно сделать на этот раз... ах, Расул-Расул!.. Сколько я уговаривал прекрасно знавшего его,

дружившего с ним Элика Мальбахова: «Ну, напиши о нём, напиши!.. Ведь есть вещи, которые кроме тебя никто не знает!..» «К-конечно! – начинал, слегка заикаясь, Элик, уже подходивший к своему семидесятилетнему рубежу. – Сидим с ним в Нальчике в ресторане, официантка задерживается, и Расул громко, чуть ли не на весь зал говорит: «Эльберд!.. Можешь позвонить в Махачкалу?! Чтобы они прислали нам две рюмки коньяка?!»

Всё шутим, до смертного часа шутим... А если всерьёз: о скольком там можно будет сказать, на этом празднике!.. О скольком договориться!

... В Дагестане в горах обнаружены двое боевиков... в ответ на предложение сдать... да что они там?

А Элик, будь жив-здоров, наверняка бы подскочил из своего Нальчика. Да только ли Элик, испытавший на себе эту двойную радость – знание двух соседних культур... Знание, обернувшееся в последние годы двойной, нестерпимой болью. Только ли для него? Только ли для Балаговой?.. Блестяще пишет на русском кабардинка Мадина Хакуашева. Не уступит ей чеченка Лула Жумалаева – поэт и прозаик Лула Куни. А прекрасно знающий язык, давно вжившийся в русскую культуру балкарец Борис Чипчиков? А тёзка его – мой сосед по Предгорью, карачаевец Борис Коркмазов? А писатель помладше них, растущий прямо-таки на глазах прозаик кабардинец Амир Макоев?.. Прислал мне недавно новую маленькую повесть, «Сады Масират», взялся её читать и уже не мог оторваться. Сидел, хлюпал носом, а в конце зарыдал чуть не в голос и взял мобильник: «Что ты делаешь Амир, что делаешь?! Ты слышишь, не могу говорить?.. Какой ты молодец, какой молодец!» Да что там, что там!.. А как братьев осетин-то не вспомнить: рачительный, собирающий вокруг «Дарьяла», который он редактирует, «могучую кучку» Руслан Тотров, сам великолепный прозаик, и разъезжающий по миру «блуждающий форвард» Алан Черчесов... только ли он? Аланка Уртаты, дитя двух народов Татьяна Андреева, должна была появиться ещё в первом сборнике, рассказ прислал за неё заботник Тотров, но связаться с самой так и не смогли: жила в то время в Хорватии, откуда вернулась с печальной, удивительной повестью «Поедем в Цветлин»... А как не вспомнить «русского адыгейца» Айтеча Хагурова с его «Журавлиным криком», душевного друга, академика социологии – надо же!.. А там, в Махачкале, меня ждал ведь лезгин Абдуселим Исмаилов, чья уже отредактированная талантливая и горькая повесть лежит у меня в компьютере – готова войти в четвёртый том... А вдруг нашёл бы там, наконец, Хасат Магомедову, не озабоченную пока литературной славой молодую аварку, яркой звёздочкой мелькнувшую в первом сборнике... и мудрого аксакала Абдулу Даганова, тоже аварца – что ж, что он не прозаик, а известный всей России поэт. Наверняка ждал меня, как никто другой: сорок лет доброго знакомства, давно переросшего в крепкую дружбу, чего-то да стоят!

... Почти по всем каналам сплошная порнуха, а в новостях опять: в Дагестане... заблокированы в частном доме на окраине города... Да что они там, применительно к «Белым журавлям», что ли, активизировались?!..

Ну, хоть бы где – бегущей строкой: большой, мол, миротворческий праздник... Не надо, уж ладно, показывать национальные песни-пляски... Да, а когда их последний раз-то по «ящику» показывали?.. И то не дагестанские – адыгские. Во время празднования четырёхсотлетия добровольного присоединения к России? Это – один-то раз в четыреста лет, что ли?!

Лолита с Моисеевым... кто там ещё? – не сосчитать... кажется, и живут на Кавказе, дотаптывают там национальную культуру, а здесь что-либо путнее оттуда – ни-ни... да, а не так ли – по всей Руси-матушке?!

Есть у меня такой рассказ: «Журавлиная стая». О выпавшем из улетающего клина ослабевшем журавле, которого птицы взяли вдруг поочередно поддерживать крыльями, подталкивать вверх и вверх – это я сам когда-то видал в родном Предгорье. В начале восьмидесятых по Всесоюзному радио рассказ прочитал Николай Губенко, слушателям понравилось, прислали несколько писем: развязали руки Серёже Есину, заведовавшему тогда редакцией «литдрамы», и старый друг распоясался - взялся вставлять «Журавлиную стаю» в план чуть ли не ежемесячно. Сколько с тех пор прошло?.. Почти тридцать лет. И в последних научных сообщениях о перелётных птицах мелькает теперь всё чаще: не вожак, как мы раньше считали, ведёт стаю – ведёт её коллективная воля... А мы-то, мы?

Оттого-то друг от дружки и отбивают как скотину от стада? Чтобы о коллективной воле забыли.

Давно собирался отнести Губенко четырёхтомник, а тут, от стаи отставши-то, расчувствовался, раздумался... и правда, разве не мог раньше либо позвонить, либо написать письмо: спасибо, мол, за проникновенную интонацию – я помню!

И понёс ему, в его «Содружество актёров Таганки», эти книги, которые вытащил из «махачкалинского» чемодана, оставил в конторке у служебного входа.

Вернулся, опять было приник к «ящику»... да какое там!

Скорее всего, давно уже идёт одна общая для нас для всех, для всей России «специальная» всеобщего разъединения, о которой говорилось в начале этого невесёлого текста.

Вот тебе и «попробуем спаять любовью»!..

Лет десяток назад, тоже на книжной ярмарке, доктор истории Владимир Дегоев подарил мне свою мудрую и печальную книгу: «Большая игра на Кавказе». Не помню, в ней ли, или уже в недавней своей публикации в «Дружбе народов», где довольно часто печатается, он, вспоминая о возможной роковой запятой в известном выражении «казнить нельзя помиловать», предложил его новый вариант, имеющий прямое отношение к Северному Кавказу: «уйти нельзя остаться».

Казалось бы, кому, как не специалистам по языку, специалистам-историкам, социологам и философам, и подсобить бы нашим правительственным «кавказоведам», которым в южных краях приклеили уже иное название – несколько поглубей. Но они, судя по всему, в своей

«большой игре» не оставляют нам даже роли обыкновенных статистов: а вдруг неожиданно что-то выкрикнем?..

И всё-таки, всё-таки...

Когда немецкий дворянин-калмык-донской казак Саша Бир ещё размахивал за спиной у Ельцина трехцветным российским флагом, это тоже нет-нет, да и мелькнёт в нашем «ящике», его молодые коллеги управлялись с шахтёрским бартером, мощным потоком хлынувшим из Японии, а чтобы не потерять на этом чрезвычайно трудном деле драгоценного здоровья, и в лыжных кроссах участвовали, и в ручной мяч, разделившись на команды, играли...

Я приезжал попариться с ними в баньке, но куда они, чуть не каждый заранее в мыле, носились от одних ворот до других, терпеливо сидел на скамейке для запасных, где моим соседом обычно был Серёжа Неверов, начинающий тогда профсоюзный горняцкий лидер.

Добрые отношения мы поддерживали и потом: то встречались вдруг на Горбатом мосту, где «шахтёрский генерал» с символической фамилий Потишный, кубанский казачок из Ейска Володя, горняк из Воркуты, иногда поднимал своих «сидельцев»: исключительно, как выяснилось потом, для того, чтобы к столичному асфальту навсегда не прилипли... То вдруг встретились на думских выборах в Кузбассе, где Сергей стал соперником Саши Бира. И ведь выиграл!..

Принял эстафету? Пришло время «запасных»?

В этой своей высокой должности «слуги народа» Сергей Иванович для нашей чумазой Кузни долго оставался своим парнем, и однажды по весне даже привёз мне оттуда по простоте душевной переданную писателем-горнячком Колей Ничиком клетчатую, как у челноков, о-громную сумку не очень, прямо скажем, приятно «благоухающей» колбы-черемши...

Потом он стал депутатом Думы уже от наших соседей-алтайцев, а я переместился в другие горы – Черные. В родные Кавказские...

И вдруг, вдруг: гляжу как-то в «ящик» и вижу Сергея Неверова в новой, совсем недурной кампании. Звоню ему в Думу, да где уж там: спасибо помощнику, хоть кое-что подсказал-растолковал.

Поймёте меня?..

Ну, что я ходил к ним в гостиницу в Москве, первым-то шахтёрским депутатам, за рюмкой посидеть? Вовсе нет. Я им говорил: держите ухо остро - ведь обманут!

- Да что ты, Леонтьич? – был ответ. – Забываешь, что – горняки: на тридцать метров вглубь под ногами у себя видим!..

Ага: новенькое в отечественной словесности – вглубьсмотрящие.

Но должен же хоть кто-то у нас, хоть иногда, хоть за что-нибудь отвечать?

Вы-то всё зовёте к гражданскому обществу. А я в нём жил, братцы.

Начиная с Запсиба. С вольной, ударной комсомольской нашей Сечи, за которую ни единой медальки не получил, зато говорил – что думал!

И никогда по большому счёту из Сечи не уходил. Ну, если только отлучался, бывало, с дружками на другую Сечь: на старую Запорожскую. Надо ведь иной раз там побывать. Чтоб не закиснуть.

Ну, а Сибирь – это, и в самом деле, навсегда. Так вот, опять тряхнул стариной. Оскоромился!

«Исполняющему полномочия секретаря Президиума Генерального совета партии «Единая Россия» С.И. Неверову

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Как человек, давно знакомый с моими книгами, хорошо знаете, что сфера творческих интересов «летописца Запсиба», каким считают меня в Новокузнецке, – не только Сибирь, но и Северный Кавказ. За последние два десятка лет я перевёл два черкесских романа, по которым теперь защищены кандидатские и докторские диссертации, – «Сказание о Железном Волке» и «Милосердие Черных гор...» Народного писателя Адыгеи Юнуса Чуюко – и с великими трудами издал на Юге несколько своих «кавказских» книжек: «Газыри», «Счастливая черкеска», «Вольный горец». Старое, от предков, знание горского менталитета и неравнодушное внимание к новым обстоятельствам жизни «тёплой Сибири» (так называли Кавказ служившие в русской армии после ссылки на Восток декабристы) давно уже заставили меня искать понимания у руководителей Южного федерального округа, но ни пространное письмо генералу Казанцеву с конкретными предложениями, ни личная встреча с ним делу не помогли.

На заседании «круглого стола» журнала «Дружба народов» в 2006 году в Железноводске, в котором принимал участие также московский Фонд интеллектуальных и социально-экономических программ, глава Фонда Сергей Филатов предложил мне составить сборник рассказов северокавказских писателей. Не очень удачное название для него – «Война длиной в жизнь» - было издателями уже утверждено, пришлось, как говорится, изворачиваться, но книжка, в которую вошли произведения 45-и авторов из всех горских республик, удалась и на Национальном конкурсе 2008 года вошла в десятку лучших в России. Её презентации в писательском Клубе в Москве, а также в Нальчике и в Майкопе вызвали широкий общественный резонанс, подтвердивший, что инициатива Филатова была и долгожданной, и как более нельзя своевременной. Так начался миротворческий «Северокавказский проект» Фонда, в котором кроме издания сборников предполагается выпуск «Библиотеки народов Северного Кавказа», создание региональной Литературной энциклопедии, проведение культурологической акции «Дорогой Пушкина» и многое другое, что способствовало бы восстановлению общего духовного пространства Юга и укреплению его единства со всей остальной Россией.

В конце 2009-го года вышли также составленные мной два сборника повестей северокавказских писателей – «Цепи снеговых гор» и «Лес одиночества». Выступавший на представлении этих изданий на Книжной выставке-2010 директор Института философии РАН, академик Абдусалам Гусейнов предложил провести их широкое обсуждение с участием ведущих

учёных-филологов, историков, социологов: «с целью уточнения гуманитарной составляющей стратегической политики России на Северном Кавказе.» Это ли не высокая оценка вложенного в сборники горскими писателями сочетания тревог и чаяний?

Во вступительных статьях к ним пришлось пообещать, что это – лишь начало общей работы. Истосковавшиеся и по общению с читателем, и по дружеским связям между собой литераторы Юга буквально завалили Фонд своими рукописями. Но...

Как составитель, нахожусь теперь в положении некоего передающего механизма между авторами и теми, от кого зависит издание книг, и для меня, как, может быть, ни для кого другого так заметна эта печальная, потрясающая воображение, разница между кипящими энергией и заряженными надеждой писателями, желающими внести свою лепту в стабилизацию положения на своей бурлящей родине, и нашими столичными чиновниками, неспешно решающими дела, которые должны были решиться даже не вчера – позавчера.

Может, в московских кабинетах по-прежнему нет этого ощущения, которое кожей, что называется, чувствуешь, находясь на Кавказе: можем опоздать.

Зная меня и лично, и понаслышке, надеюсь, не сомневаетесь, что я – вовсе не из горячих поклонников «Единой России». Я – монархист. Дата моего рождения – 17 июля, день расстрела царственных мучеников. Но нынче, по моему, это мало что значит перед той грандиозной общей задачей, не решив которую, мы будем навсегда вписаны в категорию предателей Отечества.

Это же пытаюсь внушить апологету наших славных либералов Сергею Филатову, с которым волей судьбы сотрудничаю. Имеют ли смысл, пусть даже немалые, наши разногласия перед величием предложенного судьбой выбора?

С тем же обращаюсь и к Вам лично, дорогой Сергей Иванович, и к ближайшим Вашим соратникам положением и выше, и ниже Вас по партийной иерархии: назвались «Единой Россией» - уж будьте добры, соответствуйте!

«Северокавказских» книг Вам не пересылаю. При нынешней Вашей малодоступности для меня это попросту сложно. Думаю, что для Вас не составит труда затребовать их у Сергея Филатова, в его Фонде.

С давним дружеским расположением к Вам...»

11

Прошу простить за повторы, но что делать? Иначе мне было бы трудно объяснить всю ситуацию, как вижу её, от начала и до конца. И потом: повторение – мать учения?

И ещё: «Толците, и вам отверзится».

«Отверзится» ли?

А ещё спросят про Жилина и Костылина: причём они тут?

Я даже не о русском исходе с Кавказа, всё сложнее.

В 1999-ом исполнилась, наконец, моя юношеская мечта, которая не осуществилась когда-то из-за недостатка в зрении: в военно-морскую

академию не взяли из-за того, что плохо различал цвета. А в самом конце тысячелетия, уже как журналист, как сотрудник «думского» журнала «РФ сегодня» сподобился пойти в боевой поход на БДК «Азов» в Грецию, до Салоник, откуда, вместе с теми, кто шел на остальных четырёх судах, вместе с техникой наши миротворцы ушли в Косово и сделали потом этот свой отчаянный бросок: заняли Приштину.

Как они потом оттуда звонили: вы же обещали прилететь – ждём!

Но Приштину мы отдали.

На одном из соседних кораблей шёл со своей частью генерал Юнусбек Евкуров, который был одним из блестящих разработчиков приштинского рейда... В Салониках я его не видел.

Но когда вижу теперь по телевизору, то всё мне кажется, будто в глазах у него стоит тоска вовсе не оттого, что его чуть не угробили свои, ингуши... Оттого, что русскому воинству приказали вернуть Приштину.

Хаджи-Кавказ разный.

И волнуется по-разному, и по-разному всё переживает.

Я, когда понял, что мы с женой прощаемся с Адыгеей навсегда, долго был сам-не свой. Тогда-то и пришла эта ну, совершенно не имеющая под собой никакого основания мысль, что оттого-то у Льва Николаевича беглецов двое и было: один бежал, другой остался... до выкупа, но – остался.

Потому что сам был раздвоен.

Тогда.

И нынче! В Москве.

Как-то ещё в Майкопе, в письме к знаменитой не только в тех краях Лейле Бекизовой, первому на Северном Кавказе женщине-доктору филологии, у меня вдруг вырвалось и для себя неожиданное: после долгой и радостной работы над «Сказанием о Железном Волке» во мне проснулся черкес, которому теперь некуда деться... Оказывается, и такое с нами бывает!

Ещё, в общем-то, сравнительно недавно людской мир нашего Союза, выражаясь словами умершего на Кавказе от раны солдата Петра Авдеева, героя «Хаджи-Мурата», и в самом деле был, «один большой человек». Пусть не во всём, да и как это хорошо-то, что не во всём!.. Но в общих чертах. В Основных. Позволяющих проявлять ту самую, как у большой стаи птиц, спасительную коллективную волю.

... «Лицо кавказской национальности».

... «Лица славянской внешности».

Не думаю, чтобы это было навсегда.

Но над этим разделением усердно нынче работают и средств для этого, судя по всему, не жалеют.

Когда трудился над этими заметками, заново пришлось обратиться к прочитанным когда-то книгам о Кавказской туземной конной дивизии, и, поверьте, заныло сердце: какое духовное богатство в силу многих причин остаётся до сих пор нами не востребованным!

Но, может быть, общая наша история для того и хранила его так терпеливо, чтобы в урочный час напомнить: как вы можете забыть это? Как можете всем этим пренебречь?!

Будущий командующий дивизией генерал-майор Михаил Александрович Романов ещё «отбывал» ссылку в Ницце – куда ещё было сослать русскому Самодержцу родного младшего брата-ослушника! – а на Северном Кавказе всю шло формирование необычного воинского соединения. Царь, искренне растроганный тем, что добровольное желание сражаться против Германии проявили дети и внуки тех, кто ещё недавно яростно сопротивлялся России, отправил на Кавказ благодарственную телеграмму, и это вызвало ещё больший прилив патриотизма... Впрочем, почему «дети и внуки»?

«Житель аула Козет урядник Хаджи Баток Лиш послал губернатору Кубанской области генерал-лейтенанту М.П. Бабычу прошение о зачислении его в Действующую армию добровольцем, - сообщает живущий в Нальчике писатель-историк Олег Опрышко, профессиональный архивариус, ещё в 1999 году издавший эту удивительную книгу: «Кавказская конная дивизия: возвращение из забвения». - Просителю 93 года. Он провёл всю свою жизнь в боях, сражаясь вместе с абадзехами против бжедугов, принимал участие в войнах против русских во время покорения Кавказа; уже будучи русским подданным, сражался в рядах русской армии в русско-турецкую войну 1877 г.; участвовал в русско-китайской, во время боксерского восстания и, наконец, принимал участие в русско-японской войне.

В своём прошении Хаджи Баток Лиш говорит, что он не может равнодушно глядеть на происходящие события и должен сражаться с дерзким врагом русского государя и родины...»

Прощтрафился Великий князь Михаил «по женской части», как говорится, но это ему, любимцу армии, лишь добавляло обаяния в глазах офицеров, и русских, и горцев: откуда только не слетались теперь на Кавказ боевые орлы-командиры!

Снова процитирую Олега Опрышко, это просто нельзя не процитировать, тем более накануне 200-летия Бородинской битвы: «Весьма колоритной и яркой личностью в Ингушском полку, да и во всей дивизии, являлся полковник французский принц Наполеон Мюрат, правнук знаменитого наполеоновского маршала, короля Неаполитанского Иоахима Мюрата, женатого на сестре Наполеона Бонапарта – Каролине. И в связи с этим родством полковник Ингушского полка принц Мюрат был правнучатым племянником императора Франции... Прадед принца... вместе с Наполеоном Бонапартом в 1812 году шел с армией, чтобы покорить Россию. Их же потомок, связав свою жизнь с этой страной, стал офицером российской армии и геройски сражался с её противниками.

Ещё в 1904 году Наполеон Мюрат добровольно ушёл на Японскую войну, проявил мужество в боях, был тяжело ранен и вернулся с Дальнего Востока в Петербург с шестью боевыми орденами.

После войны принц служил в лейб-гвардии Конном полку, затем в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы, где, по словам

хорошо его знавшего, известного в дореволюционной России журналиста и писателя Николая Николаевича Брешко-Брешковского, готовил «из молодых поручиков и штаб-ротмистров таких же центавров, каким он был сам, достойный правнук великолепного Иоахима Мюрата». Позже, выйдя в запас, он уехал в Америку, «но с первыми же раскатами Великой войны умчался в Россию и вступил в ряды Дикой дивизии».

Принц Мюрат вновь пошёл сражаться за Россию, а то, что он добровольно вступил в Кавказскую конную дивизию, было для него вполне естественным – ведь по матери, грузинской княжне Дадиани, он имел самое непосредственное отношение к Кавказу...»

В Дикую дивизию вступят абхазский князь прапорщик Хаитбий Шервашидзе, потомок владетелей Нахичеванского ханства в Азербайджане корнет Джамшит Хан Нахичеванский, персидский принц Фазула-Мирза, два итальянских маркиза, братья Альбицци, польский князь корнет Станислав Радзивилл, а 4-ю сотню Черкесского полка, Абхазскую, возглавит штаб-ротмистр Генрих Бьерквист, финский дворянин, швед по происхождению...

Что уж там о наших кавказцах-закавказцах, где ещё и нынче чуть не каждый второй – непременно князь, непременно - потомственный?.. А сколько тут же перевелось в дивизию русских командиров – и знавших великого князя лично, и лишь наслышанных о его высоком воинском духе. Упоминаю обо всём этом лишь для того, чтобы подчеркнуть как бы вскользь оброненное Брешко-Брешковским в его романе «Дикая дивизия»: «И не знаешь, кого больше выделять – всадников или офицеров? И те, и другие соперничали в доблести».

Рядовые добровольцы из уважения к Кавказу так и звались: всадники. Поскольку обращение «вы» у горцев отсутствует, со всеми они были на «ты», в том числе со своим командующим, великими князем, которого простецки звали «наш Михайло». И эти якобы «простецы», рядом с которыми всюду находились несколько мулл, тоже конных, тоже вооруженных винтовками, шашками и кинжалами и тоже вернувшихся потом домой в офицерских чинах, с Георгиевскими крестами и высокими орденами, выказывали не только чудеса храбрости и преданности. Самоотверженную традицию мусульман не оставлять на поле боя убитых и раненых чуть ли не первыми оценили офицеры-иноверцы, за плечом у которых кроме привычного образа невидимого глазами ангела теперь появились и спасители во плоти... И не только, не только за плечом: мало кто поспевал за всадниками-джигитами, которые могли, оставив коней, кинуть вдруг бурки на колючую проволоку, стремительно через неё перенестись и с одними кинжалами ворваться во вражеские окопы.

Конная дивизия, и в самом деле, прошла и огонь, и воду: «... в ночь на 30 мая, перед рассветом, полусотня 4-й сотни Чеченского полка, насчитывающая 62 всадника, во главе с сотенным командиром есаулом Давидом Дадиани у деревни Ивание вошла с лошадьми в полноводный в это время Днестр и вплавь направилась в сторону противника. Близ правого берега, при свете ракет, австрийцы и немцы обнаружили переправлявшихся

Чеченцев и обрушили на них «горячий ружейный и пулемётный огонь». Но полусотня уже форсировала Днестр... Неприятель, во много раз превосходивший по численности Чеченскую полусотню, не выдержал её поразительного по смелости удара и стал отступать... Благодаря Чеченской полусотне, закрепившейся на плацдарме, уже на рассвете по наведённому понтонному мосту началась переправа на правый берег Днестра всего Чеченского полка, а за ним Черкесского, Ингушского и частей пехотной дивизии, что сразу же позволило войскам 33 армейского корпуса начать успешное продвижение вглубь занятой противником территории.

О героизме Чеченской полусотни, первой из состава российских войск с боем переправившейся на правобережье Днестра, было доложено в Ставке Верховному Главнокомандующему Николаю 11. И царь, восхищённый мужеством её всадников, заявил, что всех их награждает Георгиевскими крестами».

Всех!

Факт уникальный, в своём роде единственный, но – факт.

А подвиг Ингушского полка, практически вырубившего знаменитую немецкую Железную дивизию, после чего император отправил в полк известную телеграмму, начинавшуюся с обращения «Братья ингуши!» и заканчивавшуюся словами: «Ваш Николай 11»...

Так и хочется сказать, что собственную славу всадники Туземной дивизии научили нестись галопом: на западе, впереди она повергала в ужас и опрокидывала немецкие, австрийские и венгерские части... На востоке, на Северном Кавказе, где все газеты непременно печатали победоносные отчёты о боевых действиях бесстрашных земляков, слава эта радовала и утешала родных и близких, заставляла гордиться и соплеменников, и – всех соотечественников.

Снова не то что не могу – прямо-таки не смею не процитировать Олега Опрышко: «Во второй сотне Черкесского полка служил молодой всадник-доброволец Туркубий Боджоков, уроженец Хакуриновского аула, Майкопского отдела, Кубанской области. В бою при взятии села Цу-Бабино он получил тяжёлое ранение и на следующий день, согласно списку потерь Черкесского полка, «умер от ран, полученных в бою 15 февраля 1915 года». Боевые товарищи и земляки похоронили Туркубия Боджокова в деревне Юмановке, недалеко от Цу-Бабино.

Командир полка и полковой мулла Мишаост Набоков сообщили в Хакуриновский черкесский аул в Прикубанье Каранефу Боджокову – отцу умершего от ран всадника – о месте его захоронения. Пройдёт около двух месяцев, и весной с далёкого Северного Кавказа в Восточную Галицию, в район западноукраинского города Станиславова, приедет отец Туркубия Боджокова. О его приезде на могилу сына и связанных с этим обстоятельствах станет известно в штабе Кавказской конной дивизии. И великий князь Михаил Александрович обратится тогда в Петроград, в Главный штаб военного министерства, с ходатайством в отношении черкеса Каранефа Боджокова.

Ответом на его обращение стало сообщение Дежурного генерала Главного штаба генерал-майора Архангельского от 31 октября 1915 года, направленное начальнику штаба Кавказской конной дивизии: «Главный штаб доносит для доклада Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу, что горец Кубанской области, Майкопского отдела, аула Хакуриновского, Каранеф Боджоков, в поощрение выдающихся патриотических чувств, выразившихся в том, что, приехав помолиться на могилу умершего от ран сына, всадника Черкесского конного полка, он привёз с собой второго сына, которого и просил зачислить в строй полка, награждён приказом по 1X армии за № 306 золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте...»

По «Ведомости нижним чинам Георгиевским кавалерам Черкесского конного полка», составленной в октябре 1915 года, значатся два всадника по фамилии Боджоковы – Али, награждённый 1 августа Георгиевским крестом 4-й степени, и Битлюстан, удостоенный 20 июля Георгиевского креста 4-й степени. Один из них и был сыном Каранефа Боджокова, занявшим в полковом строю место своего погибшего брата...»

История Конной туземной дивизии – потрясающий воображение калейдоскоп несгибаемых характеров и жертвенных, мужественных поступков. Ингуш Заурбек Боров, служивший полицмейстером в Ашхабаде, за административный проступок был арестован, бежал из тюрьмы сперва на Кавказ, потом в Персию, где во время гражданской войны возглавил одну из сторон, стал «полным персидским генералом», но вскоре вынужден был вместе с шахом покинуть Персию и вновь скрываться на Кавказе. Когда началась война с Германией, воспользовался амнистией и, лишенный всех прежних званий и наград, был зачислен в Дикую дивизию, где ему выпало служить вместе с двумя сыновьями-офицерами. «Из внимания к сыновьям, старик, несмотря на свой вахмистрский чин, был принят у нас в сотенном офицерском собрании, - ссылается Опрышко на записки офицера Анатолия Маркова «В ингушском конном полку», опубликованные уже в эмиграции в журнале «Военная Быль», - и сидел, по кавказским обычаям, согласно которым человека чтут по возрасту, а не по чину, на председательском месте».

«Всадник Заурбек Боров, продолжавший по персидской традиции красить хной бороду, - продолжает Марков, - за свою храбрость был награждён Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени, а в сентябре 1915-го получил и «Георгия» 2-й степени... к концу войны был произведён в офицеры и закончил её поручиком, несмотря на свои 60 лет».

И сколько, сколько ещё похожих судеб, запутанных как еле видная тропинка в горах, но всё-таки выведших на сияющую вершину воинской славы... И сколько характеров: прямых, как горский кинжал, и таких же надежных.

Удивительное то было время, когда о Северном Кавказе и впрямь можно было сказать: се – Верный Кавказ!

Конечно, это надо читать – книги о Дикой дивизии. И – перечитывать.

Меня, признаться, сначала было смутило, что среди названных полков – а входили в дивизию Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский, Ингушский и Черкесский полки – не было Осетинского... мол, как же так? Не могли побратимы остаться в стороне – ну, не могли!

И вдруг потихонечку сам над собою рассмеялся: столько всего уже, слава Богу, написал, что многого уже и не помнишь? Десятки славных офицерских фамилий назвал в своей «Счастливой черкеске», не так давно вышедшей во Владикавказе! А что тебе, чуть ли не также, как ты теперь, посмеиваясь, рассказывал главный её герой, Ирбек Кантемиров, Великий Джигит, хранивший боевые традиции на мирной, на цирковой арене?..

- Должен тебе сказать, - в очередной раз взялся меня однажды просвещать, - что у осетин была даже своего рода поговорка: «Старайся, мальчик!.. Учись. И станешь русским офицером».

Да ведь они, и действительно, осетины, растворились к тому времени в русском офицерском корпусе: недаром же в каждом полку Туземной дивизии столько хорошо знакомых фамилий.

И вместе с остальными горскими командирами в январе 1915-го они замерзали в Карпатах, где Наполеон Мюрат обморозил ноги настолько, что навсегда расстался с горскими сапогами-чувяками и стал ходить в бархатных валенках... И занимали Галицию, и шли в ударных конных рейдах знаменитого Брусиловского прорыва, от которого рукой было подать до победного конца Великой войны. И они вместе со своими спаянными и воинской дисциплиной, и земляческой солидарностью полками оставались на передовой и в феврале 17-го, и позже, когда уже распался Юго-Западный фронт: и р-революционные части, и дезертиры предпочитали обходить их дальней стороной...

И неизвестно, что было бы дальше, если бы царь назначил градоначальником Петрограда уже прибывшего в ожидании этого с Дальнего Востока губернатора Амурской области и наказного атамана Амурского казачьего войска генерал-майора Константина Николаевича Хагандокова, знаменитого кабардинца из знатных узденей, ещё недавно командовавшего 2-й бригадой Туземной дивизии и ставшего потом начальником её Главного штаба... Лавра Георгиевича Корнилова он знал лучше многих других: воевали рядом.

Но это тоже из области разбора так и не состоявшихся полётов... Только ли – к сожалению не состоявшихся? Или тут - к несчастью? К общенациональной русской трагедии.

Кое-что о витавшем над Туземной дивизией – как тут иначе скажешь? – бессмертном духе Льва Николаевича Толстого...

В конце ноября 1914 года, когда от австрийцев освобождён был Львов, смотр дивизии наблюдал журналист граф Илья Львович Толстой, сын писателя, опубликовавший в начале 1915 года в московском журнале «День печати» очерк «Алые башлыки», перепечатанный потом газетой «Терские ведомости»: «Под скрипучий напев зурначей, наигрывающих на своих

дудочках свои народные воинственные песни, мимо нас проходили нарядные типичные всадники в красивых черкесках, в блестящем золотом и серебром оружии, в ярко-алых башлыках, на нервных, точеных лошадях, гибкие, смуглые, полные гордости и национального достоинства.

Что ни лицо, то тип; что ни выражение – выражение своё, личное; что ни взгляд – мощь и отвага.»

Любопытно, увидел ли Илья Львович во время смотра свою родню?

Среди всадников Татарского полка, сформированного в основном из жителей Азербайджана, мог гарцевать прикомандированный к нему по личному прошению корнет Андрей Берс, племянник Толстого, который через пару месяцев будет представлен полковником Хагандоковым к награждению золотым оружием, но по приказу командующего, великого князя «взамен Георгиевского оружия» получит орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом...

В декабре 1914-го, тоже по личной просьбе, во 2-й Дагестанский полк будет переведён родной брат Ильи Львовича, прапорщик Михаил Львович Толстой. В 1900 году, когда ему было двадцать, он – ну, будто «про запас»! - несколько месяцев прослужит вольноопределяющимся в армейской кавалерии, сдаст экзамен на офицерский чин, вернётся в имение... В августе 1914 будет мобилизован, направлен в 15-й драгунский Переяславский полк Кавказской кавалерийской дивизии, в его составе вступит в бои, за проявленное мужество успеет получить орден святого Станислава 3-ей степени с мечами и бантом...

Подсказала в Туземную дивизию перевестись отцовская кровь? Именно во 2-ой Дагестанский... Потому что там уже воевал снискавший громкую славу, первый среди офицеров-кавказцев получивший две самые почётные награды России – орден святого Георгия 4-ой степени, дававший право на потомственное дворянство, и Георгиевское оружие - ротмистр Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат.

Не соскучишься, как бы выразились теперь, с этими аварцами: летом 1915-го «за боевые отличия» Высочайшим приказом он будет произведён в чин подполковника, а осенью император Николай II объявит ему «Высочайшее благоволение».

Разве только одна эта встреча двух офицеров – прапорщика Михаила Толстого и подполковника Арацхана Хаджи Мурата – не вдохновит неравнодушного к истории Отечества деятеля культуры – пусть это будет романист-литератор... драматург... сценарист или режиссёр?

«Я жил целый месяц в халупе в центре расположения «диких полков», - писал Илья Львович в «Алых башлыках». – Мне указывали людей, которые на Кавказе прославились тем, что из мести убили несколько человек, – и что же я видел?

Я видел этих убийц, нянчивших и кормящих остатками своего шашлыка чужих детей; я видел, как полки снимались со своих стоянок и как жители жалели об их уходе, благодарили их за то, что они не только платили, но и помогали своим подаянием; я видел их выполняющими самые трудные и

сложные военные поручения; и я видел их в боях дисциплинированных, безумно отважных и непоколебимых. Много у меня от этого времени осталось впечатлений, самых интересных, которые я берегу в своей душе, как ценные воспоминания и как дорогой психологический материал».

Вновь дадим слово автору «Дикой дивизии» Брешко-Брешковскому? Повествуя уже об иных временах - печальной поре эмиграции: «Насаждали цыганское пение на берегах Сены ротмистр Багрецов и поручик Миша Толстой, сын великого писателя Земли Русской.

А племянник этого писателя Андрей Берс, служивший в Чеченском полку, держал ночной ресторан «Кунак». Весь Монмартр знал и рослую фигуру Берса, и его лицо Чингис Хана и его неизменную черкеску и рыжую папаху».

И ещё об одном потомке Льва Николаевича: документальное исследование «Жертвы Ялты» - о предательской репатриации на Родину после второй мировой войны бывших советских граждан и части старой эмиграции, в том числе казаков и горцев – написал его внучатый племянник Дмитрий Николаевич Толстой, которому выпало жить в Англии, это гнусное предательство совершившей.

Игра «его величества случая»?

Но ведь давно известно, что ничего случайного не бывает!

«Никак нельзя сказать, что старые эмигранты не старались привлечь внимание к своему статусу, - напишет Дмитрий Толстой в «Жертвах Ялты». – Султан-Гирей прибыл в лагерь в Шпитале в полной форме царского офицера...»

Генеральское звание, уже в гражданскую войну, ему дал Деникин, чьи части перед этим сражались в Великой войне рядом с Дикой дивизией. Начинать в ней Султан Келеч Гирей штабс-ротмистром, командиром 2-ой сотни Черкесского полка, и в числе самых первых офицеров получил и высокие ордена, и Георгиевское оружие. Закончил службу полковником, но в отличие от многих горских сослуживцев, предпочитавших в «русские дела» по возможности деликатно не вмешиваться, сразу же примкнул к белому движению. Тут-то впервые и взяли верх верность присяге и княжеское достоинство?

Нельзя не упомянуть ещё об одной горькой книге, посвящённой трагедии казаков и горцев – составленном бывшим атаманом казачьего Зарубежья кубанским генералом Вячеславом Григорьевичем Науменко сборнике документов, названном им «Великое предательство». То самое, о котором рассказал Н. Толстой в «Жертвах Ялты».

В этом случае речь идёт о «буферном» горском лагере в Австрии в послевоенном сорок пятом, когда решения своей участи ожидали и полтора миллиона освобождённых союзниками советских военно-пленных, и многие тысячи воевавших на стороне немцев либо только пообещавших воевать и тем самым спасавшихся... Из воспоминаний «Осетинского конного полка ротмистра Г. Туаева»: «Спокойно шагая, с высоко поднятой головой, подходит генерал Султан Келеч Гирей. Белый бешмет под черной черкеской, на всём наборе золотая насечка, такая же насечка на рукоятке парабеллума,

талия перетянута до отказа... Генерал был в погонах Российской Императорской армии.

Переводчик, передавая слова своего офицера, сказал, что по распоряжению английского главного командования всё оружие, находящееся на руках у горцев, должно быть снесено к машинам, где сдать его приёмщикам. Офицеры могут оставить оружие при себе.

Ни один мускул не дрогнул на лице генерала... Возглавляя всю горскую беженскую массу, при этом совершенно добровольно, не будучи никем назначен, Султан Келеч Гирей только на Драве понял, какую громадную моральную ответственность он взял на себя. Он для горцев был не только генералом, но тем старшим в традиции горцев, слово которого было законом для всех, а потому, отлично понимая создавшееся положение и своё бессилие помочь всем до последнего, он выбрал единственный для него приемлемый путь – остаться с народом, который он возглавлял... Погиб Генерал Султан Келеч Гирей во имя благородного чувства любви к России в целом и к своему горскому народу в частности.»

А вот несколько строк из февральского, 1949 года, письма самого чудом уцелевшего Науменко легендарному казачьему полковнику Ф. И. Елисееву, автору нескольких книг, в свои шестьдесят ещё подававшему потом пример младшим по возрасту во французском Иностранном легионе в Малой Азии: «В нашем лагере, где немного казаков, мы всегда служим панихиды и по Краснову, и по Шкуро и по всем другим умученным, в том числе и по Рабе Божию Келече. Хотя он и мусульманин, но ведь Бог-то один. Наша церковь молится за всех, душу свою отдавших за братьев своих. Виделся я с ним в последние месяцы в Берлине, и так душевно мы с ним говорили обо всём, так хорошо он держал себя, как казак.

Султан... всё время держался в стороне и уже при англичанах вступил в командование Северо-Кавказской горской дивизией. Это было за несколько дней до выдачи всех, то есть в двадцатых числах 1945 года. Уже тогда было видно, чем дело окончится».

Кто-то может подумать: да что он всё – о каких-то далёких от наших скоротечных дней давних делах?

Во-первых, примеры благородства и достоинства не имеют возраста.

А во-вторых... Временами становится предельно ясно, что пережитые нами потрясения – всего только начало исторической бури, ожидающей и всю Россию, и южную её часть, Северный Кавказ, в частности. Тем более важно вспомнить об общих корнях, укрепившихся когда-то и в Чёрных горах, и на склонах неприступного Ледяного Хребта, а то, как вышло с Абхазией и Южной Осетией – за ним.

Недавно в одной из статей еженедельника «Аргументы недели», помещённой на первой полосе, кроме прочего сообщалось, что «крупнейшая телекомпания Германии приступает к съёмкам фильма о том, как Кремль провоцирует своим бездействием рост межэтнических конфликтов».

Выходит, оттуда, из центра Европы, куда лучше видать наши необозримые пространства, чем – из центра России?.. Или дело в чем-то другом?
В чем же?!

Гарий Немченко

Заглавие длинноватое, конечно, и слишком уж прямолинейное, что ли... Разве не ясно, о чём станет автор рассуждать? А где же завеса тайны, без которой ну, просто нельзя представить Кавказ во все его времена?

Тут так и хочется сказать: в архивах не одного десятка самых могущественных разведок мира.

А вот почему «эссе», попробую объяснить.

Довольно долгое время я не без некоторого удовольствия ходил в переводчиках у одного из адыгейских писателей, ставших впоследствии известным благодаря и моим трудам тоже: нормальный ход. Естественно, что за время нашего творческого содружества мы друг у друга многому научились, и «эссе» - одно из слов, прочно вошедших в ту пору в словарь бывшего моего литературного сподвижника. Тяготел он всё больше к толстым романам, ни одного коротенького эссе у него не было, насколько знаю, даже в творческих замыслах, но вот само это слово произносить он явно любил, прямо-таки смаковал его, и теперь вот, несколько лет спустя, в голову мне вдруг пришло: а не потому ли, что звучание его напоминает выкрикиваемое в танце неистовое «асса!», дорогое всякому кавказскому уху?